

ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

Я СДЕЛАЛА ОШИБКУ

ДЖЕЙН КОРРИ

Джейн Корри
Я сделала ошибку
Серия «Психологический
триллер (АСТ)»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66983272

Джейн Корри. Я сделала ошибку: Издательство АСТ; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-135650-7

Аннотация

Совершить ошибку может каждый, не правда ли?
Некоторые мы исправляем. О других просто забываем.
Но порой у ошибок оказываются длинные тени. Тени цвета
крови.

Счастливая жена и мать, преуспевающая бизнесвумен из мира
кино, Поппи Пейдж никогда не думала, что однажды вновь
встретит бывшего бойфренда Мэтью Гордона и что эта новая
встреча всколыхнет в ней былые чувства.

Она совершит одну-единственную ошибку, которая окажется
камнем, потянувшим за собой все нарастающую лавину роковых
последствий.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
Глава 1	6
Центральный уголовный суд, Лондон – лето	21
Глава 2	24
Глава 3	40
Глава 4	72
Глава 5	82
Глава 6	99
Глава 7	115
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Джейн Корри Я сделала ошибку

Jane Corry

I MADE A MISTAKE

Original English language edition first published by Penguin Books Ltd, London

The author has asserted his moral rights All rights reserved

Печатается с разрешения Penguin Books Ltd, London и литературного агентства Andrew Nurnberg.

© Jane Corry, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

Джейн Корри – известный автор психологических триллеров и детективов. Ее романы «Кровные сестры», «Жена моего мужа», «Я отвернулась», «Ваш муж мертв» хорошо знакомы российскому читателю.

* * *

Эта книга, как удав: сюжет сначала мягко втягивает вас внутрь, затем его кольца сжимаются и отказываются отпускать. А в конце наступает неожиданный и потрясающий эмоциональный удар...

Джейн Шемилт

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Шестью неделями ранее Поппи

– Поппи! Как поживаешь?

Огромная «тигрица» в черно-оранжевом полосатом костюме напрыгивает на меня и заключает в объятия, отчего мое сердце переполняется любовью и гордостью.

– Дженнифер! – восклицаю я, обнимая ее. Я знаю, что у меня как у агента не должно быть любимчиков среди клиентов, но в этой женщине есть нечто настолько теплое и милое, чему я просто не могу сопротивляться.

– Тусовка сегодня потрясающая! – сообщает она, выпуская меня наконец из своих тигриных лап и вытирая струйки пота, стекающие по ее лицу – единственной части тела, не прикрытой костюмом. Все остальные в вечерних платьях, но Дженнифер – исключение.

У нее есть привычка, которую я нахожу довольно милой: выделять интонациями слова, чтобы передать свой неподдельный восторг.

– Какой роскошный отель, – мурлычет она, глядя по сто-

ронам широко раскрытыми глазами. – Никогда раньше не была в бальном зале! А за канапе с креветками полжизни можно отдать!

Да, это заведение весьма модное – с розовыми шелковыми занавесками, сверкающими люстрами и потолочными фресками, хотя оно находится дальше от Лондона, чем места предыдущих вечеринок. Все, кто что-то собой представляет, – здесь; либо потому, что они артисты массовки (также известные как статисты), которые надеются быть замеченными, либо потому, что имеют отношение к этой индустрии, как я, и им нужно быть в тусовке. Репутация, признание и надежность – вот три главных фактора в нашем бизнесе. И я очень стараюсь «поставить галочку» напротив каждого из этих качеств. Моя работа заключается в том, чтобы представить режиссерам всех, кто требуется: заурядного мужчину, стоящего в очереди в газетный киоск перед ведущим актером; женщину, которая толкает по улице пустую детскую коляску непосредственно перед взрывом; мальчишку, который проезжает на велосипеде мимо ограбления и уносится вдаль как ни в чем не бывало. В общем, тех людей, кого вы можете даже не заметить, неотрывно глядя в экран, но благодаря которым действие смотрится достоверно. Это непростая задача. Однако мне нравится!

Я могла бы и не прийти сюда сегодня из-за ссоры с девочками по поводу их домашней работы. Мелисса и Дейзи – семнадцати и четырнадцати лет соответственно – обыч-

но обожают друг друга, но сейчас переживают сложный период споров. Возможно, потому, что они очень разные – как внешне, так и внутренне. У Мелиссы блестящие волосы цвета воронова крыла, как у всей родни моего мужа по отцу, и высокий рост – от них же. А Дейзи с ее каштановыми кудряшками больше похожа на прежнюю меня: маленькая и слегка полноватая, с застенчивой улыбкой, под которой скрывается дерзкий нрав. Дейзи до сих пор верит в магию. Когда ей что-нибудь нужно, она трижды переворачивает свою подушку «на удачу».

Я изо всех сил стараюсь справляться с ними, пользуясь советами из до дыр зачитанной книги «Воспитание подростка», но, кажется, они просто не слушают. Порой это разбивает мне сердце. В их возрасте я все бы отдала, чтобы иметь сестру. И спустя годы это желание стало еще сильнее. Как было бы хорошо довериться кому-то...

Если бы не моя свекровь, помогающая мне «управлять кораблем», как она это называет, не знаю, что бы я делала. Бетти – сердечная, любящая, замечательная бабушка. И, на удивление, эксцентричная, одержимая то одним хобби, то другим. Вот она делает украшения из жестяных крышечек, а вот уже отбивает чечетку. А еще Бетти большая модница – к ее милому лицу в форме сердечка очень подходят неизменные фиолетовые береты, которые она часто носит и дома, и на улице. Я подозреваю, она делает это, чтобы скрыть свои редеющие волосы. Согласно семейным фотографиям,

от природы они были светло-каштановыми, пока Бетти не перекрасилась в блондинку в двадцать лет. Теперь они седые. Бетти обожает девочек, и это чувство взаимно. Она мне как мать, которой – по крайней мере я так предпочитаю думать – у меня никогда не было.

Это была идея Бетти – чтобы я открыла «Актерское агентство Поппи Пейдж», прямо из дома, после рождения Мелиссы, и использовала свою брачную фамилию, поскольку так звучало эффектнее и лучше запоминалось. Раньше я ходила на бесчисленные прослушивания в поиске всевозможных второстепенных ролей, но меня так никуда и не отобрали. Ни на одну. Пришлось взглянуть фактам в лицо – моя карьера актрисы завершилась, даже не успев начаться.

«Таким женщинам, как ты, необходимо в жизни еще что-то, помимо забот о семье, – сказала мне тогда Бетти. – Уж поверь. Я знаю, о чем говорю».

И она права. Как же мне повезло, что у меня такая свежая кровь! Иногда мне кажется, что она – клей, скрепляющий нас всех вместе. Хотя в особо мрачные дни я боюсь, что без нее мы можем вовсе развалиться.

– Смотри-смотри! – продолжает Дженнифер, возбужденно подсказывая на месте рядом со мной. – Здесь та копия Дорис Дэй¹, которая снималась в рекламе шампуня! Она ведь тоже одна из твоих клиенток?

¹ Североамериканская актриса и певица, блиставшая в 50-х годах в основном в комедийных ролях. – *Здесь и далее прим. переводчика.*

– Да, – гордо отвечаю я. – Она самая. – Я машу рукой через зал этой потрясающей женщине, бывшей кассирше супермаркета, которую нещадно подкалывали за то, что она выглядит как настоящая Дорис, пока она не увидела в журнале объявление о наборе статистов. Тогда она переписала контактные номера и позвонила мне. «Вы не считаете, что я чересчур стара для этого?» – спросила она.

«Никогда не поздно начинать», – ответила я. А теперь она вообще сменила имя на Дорис Дэйс! «Я знаю, что у настоящей Дорис нет буквы “с” в фамилии, – сказала она. – Но не хочу вводить людей в заблуждение».

В этом деле нет границ по возрасту, всегда заверяю я своих клиентов. И вам необязательно состоять в актерской ассоциации, даже если вам дадут роль со словами. Это возможность получать стабильный доход, если вы хорошо себя зарекомендуете – достаточно просто быть на связи, чтобы вас можно было быстро найти, и приезжать вовремя в нужное место, в «правильной» одежде. Только не надо бегать за звездами, выпрашивая автограф, или – как постоянно делала одна из моих клиенток, пока я не была вынуждена вычеркнуть ее из списков, – лезть под камеру впереди известных актеров! Но дело не только в заработке. Это сладкое волнение от возможности побыть на экране, даже если вы мелькнете там всего на секунду.

– А ведь знаешь, – дружелюбно говорит Дженнифер, поводя по моей руке бархатной лапой, – если бы не ты, никого

из нас тут не было бы.

Я чувствую, как краснею от удовольствия. Я не родилась «с серебряной ложкой во рту». И не унаследовала свой бизнес от мамочки или папочки, как один-двое здешних агентов. Мне пришлось долго и упорно трудиться, чтобы достичь того, что есть, но оно того стоило. С финансовой точки зрения мое агентство вполне процветает, и мы действительно сами создали себе имя. Недавно один из отраслевых журналов опубликовал обо мне двухстраничный разворот – «Кастинговое агентство месяца».

«Весьма недурно», – заметил Стюарт, когда я показала ему журнал. Сам он был всецело погружен в какую-то стоматологическую статью о проблемах нижней челюсти, поэтому, наверное, и слушал невнимательно.

Это нормально. Я к подобному привыкла. Стюарт живет ради своей работы. А кроме того, настоящая награда – это помогать моим клиентам, многие из которых стали хорошими друзьями, осуществить их заветные мечты. Но порой я не могу побороть чувство легкой зависти к ним – ведь я никогда не предлагаю в качестве актрисы себя. Я могла бы это сделать. И знаю, что справилась бы. Если бы только обстоятельства были иными.

Зато успехи моих клиентов помогли мне сделать имя в бизнесе. Естественно, это не совсем то, о чем я втайне мечтала все эти годы. Но это довольно хороший «второй вариант».

– Что бы я делала без тебя и всех остальных! – откликаюсь я, похлопывая Дженнифер по лапе.

– Вообще-то, – продолжает она, чуть понизив голос, – мне до смерти охота узнать, есть ли какие-нибудь новости сама-знаешь-о-чем.

Дженнифер намекает на фильм о зоопарке, который собирается снять одна продюсерская компания. Они хотят задействовать актеров в костюмах, а не спецэффекты или реальных животных. Я уже порекомендовала Дженнифер в этот проект, но все еще жду ответа.

– Пока нет, – отвечаю я. – Но уверена, что вскоре все решится.

– Хорошо, – вздыхает она. – Буду держать пальцы скрещенными или, вернее, когти! – Дженнифер громко хохочет над собственной шуткой, хлопая меня по спине. – Извини, – морщится она. – Когда так одета – волей-неволей входишь в роль. Кстати, это правда, что тот актер тоже здесь? Ты знаешь, о ком я – который великолепно сыграл викария в том сериале?

– В каком сериале? – спрашиваю я, заметив очередного клиента в противоположной стороне зала. Дженнифер обладает поистине поразительной памятью и постоянно говорит об актерах, которых никто не помнит, так, будто они звезды первой величины из А-списка.

– Ой, ну ты должна знать, как он называется... Ага, вспомнила! «Рай для Питера». А актера зовут Мэтью Гордон.

Я вздрагиваю. По коже бегут мурашки.

– Мэтью Гордон?

Дженнифер смотрит на меня со странным выражением лица, и я поспешно пытаюсь скрыть свое потрясение:

– Ого! Это снято много лет назад, верно?

– Ага. – Слава небесам, кажется, она думает, что поняла причину такой моей реакции. – А, ну да, для Ронни появился конкурент...

Дженнифер замолкает, прерванная резким ударом по моему плечу, от которого я оборачиваюсь.

– Поппи! Выглядишь чудесно!

Это Шэрон – моя соперница. Она не особенно любит меня с тех пор, как один мой клиент-мужчина получил роль сливы, на какую Шэрон прочила кого-то из собственных списков.

– Черные кожаные брюки. Смотрится очень круто, – продолжает Шэрон.

– Вообще-то это штаны моей старшей дочери, – признаюсь я. – Я так обрадовалась, когда в них влезла.

Слишком поздно я соображаю, что следовало бы держать язык за зубами. Шэрон – не слишком-то стройная. И, судя по выражению ее лица, мою реплику она восприняла как оскорбление своей внушительной фигуры. Хотя я просто сказала, как есть. Я не могла выбрать наряд на сегодняшний вечер, пока Мелисса не удивила меня, предложив свои новые брюки, которые я купила ей недавно. Они оказались

слегка длинноваты, поскольку дочь выше меня, и мне пришлось подвернуть их. К счастью, я удачно это скрыла, заправив подвороты в высокие черные замшевые ботинки. «Ух ты! – воскликнула Мелисса, подводя меня к зеркалу. – Mam, они сидят на тебе изумительно!»

Дела так обстояли не всегда. В те времена, когда я еще надеялась блистать на сцене, один из режиссеров, которые меня прослушивали, описал меня моей агентессе как Маленькую Мисс Пампушку. Об этом мне с великим удовольствием сообщила другая девушка из ее клиенток. Надо сказать, мой оптимизм в отношении актерской карьеры сформировался благодаря поддержке родителей и школы, а не пяти футам и двум с половиной дюймам роста при средней внешности. Моим основным достоинством, с точки зрения внешних данных, по моему убеждению, были и остаются блестящие каштановые волосы, выходящие на затылке, да еще постоянная улыбка вне зависимости от погоды.

«Поппи, – всегда говорила мне мама, когда я была маленькой. – Ты родилась с таким же естественно солнечным характером, как и я. Это большой дар. Извлеки из него максимум пользы».

Она, безусловно, такой и была. Но ты не она, напоминала я себе. Ты – это ты.

Если бы моя мать сейчас оказалась здесь, она бы увидела, что по счастливой случайности я стала одной из тех женщин, которые в сорок лет выглядят лучше, чем в двадцать. Моя

былая пухловатость превратилась в то, что в актерском мире принято называть «сексуальное тело с формами», по словам одного продюсера-повесы, который ясно дал понять, что интересуется мной совершенно не с платонической точки зрения. Разумеется, я его отшила.

– Штаны твоей дочери? – удивляется Шэрон. Теперь в ее тоне слышится сарказм. – А я-то думала, что ты в состоянии позволить себе собственную одежду.

Вот стерва. Обычно я не использую такое слово, но, поверьте, эта женщина его заслуживает.

– Очень смешно! – говорю я. А затем указываю на ее бесформенный темно-синий балахон, скрывающий выпирающие жиры: – Хм, а ты нестандартно выглядишь!

Я не лгу. Шэрон так и выглядит. Кстати, я понимаю, что мое замечание может быть истолковано двояко. И угадайте, в каком смысле она его поняла, судя по выражению ее лица? Честно говоря, поняла Шэрон правильно. В этом-то и проблема – будучи в нашем бизнесе, начинаешь говорить или делать довольно ужасные вещи, просто чтобы остаться на плаву, даже если обманываешь себя, что в действительности ты человек неплохой.

– О, прости! – выпаливаю я, поглядывая в уголок на Ронни, еще одного моего клиента, и видя в этом путь к отступлению. – Мне нужно кое с кем поговорить.

– Мне тоже, – откликается Шэрон холодно и отрывисто. – Позднее пересечемся.

– Не желаете ли еще напитков, мадам? – интересуется проходящий мимо официант.

– Спасибо. – Я останавливаюсь, чтобы пополнить бокал минеральной водой. Мне нельзя пить спиртное, потому что домой я поеду на машине. И очень надеюсь, что погода не слишком испортится. Когда я добиралась сюда, на дороге был лед и передавали предупреждение о снегопаде.

Но не успеваю я добраться до Ронни, как на моем мобильнике высвечивается входящий вызов: «Дом».

– Все в порядке? – спрашиваю я.

– Нет, – всхлипывает тонкий голосок.

Я едва слышу свою младшую дочь из-за громкой музыки вокруг.

– Мелисса забрала мой альбом и не хочет возвращать!

Дейзи жила и дышала живописью с того момента, как впервые взяла в руки карандаш. Никому не известно, откуда берется этот особый талант. Бетти пытается проявлять художественный вкус в своих разнообразных хобби, но, хотя мы и хвалим ее старания, она не одарена от природы. Естественно, вслух я ей это никогда бы не сказала.

– А бабушка не может это уладить? – спрашиваю я.

– Она медитирует в своей комнате.

– А папа?

– Он опять задерживается.

Я подавляю раздражение. Стюарт обещал вернуться из клиники пораньше из-за сегодняшней вечеринки. Хотя Бет-

ти великолепно справляется с девочками, она не молодеет, и я не хочу сваливать это на нее.

– Дай мне трубку! – Это Мелисса. – Я отобрала его только потому, что она мешала мне смотреть «Как стать звездой»!

Надо заметить, цель всей жизни моей старшей дочери – попасть на сцену. Я потеряла счет своим попыткам отговорить ее от этого, однако подобные беседы всегда плохо заканчивались, и теперь я сдалась. «Если у тебя ничего не получилось, это еще не значит, что со мной будет то же самое!» – огрызнулась Мелисса в прошлый раз. Ох!

– Пожалуйста, девочки, – произношу я. – Вы можете попросить бабушку, чтобы она спустилась?

– Бабушка сказала, что выйдет через минуту, но мы должны сами разбираться в своих ссорах, потому что это пойдет нам на пользу.

Все это замечательно, но сейчас я бы предпочла, чтобы Бетти вмешалась.

– А куда ты положила мой спортивный купальник? Он мне понадобится завтра для урока танцев.

Я пытаюсь вспомнить.

– В бельеовой шкаф.

– Я смотрела, его там нет.

Вероятно, это потому, что в моих шкафах вечный кавардак. У меня никогда не хватает времени аккуратно сложить вещи, и я запихиваю их как попало. Не могу постоянно просить свекровь выполнять всю работу по дому.

– В корзине для грязного белья? – предполагаю я.

– Не-а.

И тут до меня доходит. Ластовица порвалась и нуждалась в починке. Купальник валяется возле моей кровати – ожидает, пока я попрошу Бетти что-нибудь с этим сделать. Я знаю все, что касается управления агентством, но шитье не входит в список моих навыков.

– О, я вспомнила! Он...

Проклятие! На этих словах мой мобильник вырубается. Я собиралась зарядить его по дороге сюда, но забыла зарядное устройство. Надо пойти и узнать на ресепшене, нет ли у них запасного. И если нет – спросить, можно ли воспользоваться их телефоном, чтобы перезвонить детям.

– Поппи... – слышу я рядом жалобный голос.

Это Ронни. Мое сердце моментально смягчается. Он немного напоминает моего отца – вот этим сочетанием тревоги и решимости на лице.

– Я слышал, сегодня здесь тот парень-викарий из «Рая для Питера». Он действительно очень симпатичный. Не думаешь ли ты...

Я знаю, что Ронни хочет сказать. Та давняя роль викария принесла Мэтью успех. Но викарий – это амплуа Ронни. Он был настоящим викарием, пока его не лишили сана (Ронни довольно расплывчато объясняет причины этого), а теперь специализируется на подобных ролях. Очевидно, беспокоится, как бы ему теперь не перешли дорогу.

– Ронни, я бы изумилась, если бы... – Но прежде чем я успеваю добавить что-либо еще, к нам подкрадывается Дженнифер.

– Поппи, это правда! Он здесь!

Музыка стихает как раз в тот момент, когда Дженнифер выпаливает последнее слово. Внезапно в помещении воцаряется тишина.

Все взгляды устремляются на мужчину, который только что вошел в зал. Он в черном смокинге, но сделал свой наряд не похожим на все остальные, изящно засунув алый галстук-бабочку в нагрудный карман, так что тот просто торчит оттуда, напоминая скорее букетик. Так может поступить кто-то в разгар вечеринки, но для этого нужна определенная самоуверенность.

Ворот его накрахмаленной сорочки расстегнут, обнажая курчавые каштановые волосы на груди. Мэтью в остроносых ботинках в стиле пятидесятых годов. В дни нашей юности такие считались старомодными, но теперь выглядят круто. Темные волосы зачесаны назад, открывая мощный лоб. Этот человек явно не стесняется выделяться – ни своим крупным носом, ни манерой одеваться.

Мэтью берет бокал с шампанским, поднесенный восхищенной официанткой. Осушает его в один глоток и берет следующий.

– Ваше здоровье! – говорит он низким бархатным голосом, словно на камеру. Проникновенно. Интимно. Такое

ощущение, будто этот человек наслаждается аудиторией. Он окидывает взглядом толпу, на мгновение задерживая его на Дорис Дэйс и некоторых других избранных, так, словно каждый из них – самый важный человек в мире.

Затем его взгляд останавливается на моем лице. У меня перехватывает дыхание. Мэтью Гордон направляется прямо ко мне.

– Попс... – произносит он, стоя теперь настолько близко, что я чувствую запах мяты от его дыхания. Никто не называл меня так уже много лет.

Я замечаю, что челюсти у присутствующих отвисли, на лицах застыло молчаливое выражение: «Пожалуйста, познакомь меня с ним!» Имя этого человека ничего не сказало бы моим детям. Да и для людей моего поколения оно тоже мало что значит, если только у них нет энциклопедической памяти, как у Дженнифер. Но это не важно. Люди все равно бы пялились. Этот мужчина объективно так красив, что умереть-не-встать, и в нем есть представительность. На троих отмеренная.

Мэтью протягивает руку, чтобы пожать мою. Его кожа горячая на ощупь. Точно так же, как тогда, двадцать три года и три месяца назад, когда он в последний раз прижимался ко мне в моей маленькой комнатке в Килберне, с электрическим камином в одну спираль.

– Какой приятный сюрприз!

Центральный уголовный суд, Лондон – лето

Зал № 1 – большой и современный, с небесно-голубым ковром, более подходящим для офиса. Перед судьейским местом стоят ряды длинных столов, почти как в школьном классе. Представители обвинения и защиты в париках и черных мантиях, при движениях похожих на хлопающие вороны крылья, сидят в разных рядах. За ними соответственно расположились их команды, все в строгих костюмах – время от времени помощники наклоняются вперед, чтобы передать записку или шепнуть что-то на ухо своему поверенному. На всех столах, включая судейский, стоят компьютерные мониторы, и даже на стене висит большой экран.

Присяжные, разумеется, тоже здесь. Когда они впервые вошли в зал и начали слушать это дело об убийстве, то выглядели потрясенно – выбитыми из привычной колеи. Но теперь, спустя два дня, многие из них освоились и стали более уверенными. Другие же до сих пор дергаются, как вон тот мужчина, который возится с «молнией» на своей куртке, будто с ней что-то не в порядке.

Однако он это прекращает, когда на трибуну вызывают женщину. В зале мгновенно воцаряется тишина. Все взгляды устремлены на эту женщину. Она в свободном изумрудно-зеленом платье с белоснежным воротничком, которое посто-

янно разглаживает ладонями, словно нервничает. Этот цвет подходит к ее рыжим волосам. На лице нет косметики. В ушах отсутствуют серьги, хотя, если присмотреться, можно заметить, что они проколоты. Ее взгляд мечется с одного места на другое, задерживаясь на каждом лице, обращенном к ней.

– Поппи Пейдж, – произносит представительница прокурора сухим, четким тоном. – Можете ли вы мне точно сказать, что произошло, когда вы встретились с Мэтью Гордоном, ныне покойным, на рождественской вечеринке «Ассоциации поддержки актеров и агентов»?

Женщина начинает говорить, но слова не идут у нее с языка. Она неловко крутит пальцами, будто пытается переплести их один с другим, как в детской игре.

– Мы беседовали, – наконец отвечает она.

– О чем? – резко спрашивает обвинительница.

Женщина смотрит на галерку для публики. Людей там довольно много. Это популярное место не только для родных и друзей выступающих, но и для тех, кто ищет бесплатных развлечений или укрытия от дождя. Но прямо сейчас на улице почти тридцать градусов тепла. По словам синоптиков, жара установилась надолго. В здании суда не прохладнее, чем снаружи.

– О киноиндустрии, – объясняет женщина. Каждое слово дается ей огромным усилием.

– Вы говорили о чем-то личном?

Она встречается глазами с обвинительницей.

– С чего бы нам это делать?

– Полагаю, это вы должны мне сказать, миссис Пейдж.

Позвольте задать вам еще один вопрос. Это правда, что вы когда-то знали покойного с... непрофессиональной стороны?

Женщина смотрит в пол. Затем кивает – быстро и неуклюже, дергая головой, как марионетка на веревочке.

– Прошу отвечать вслух.

– Да, – шепчет она.

– Громче, пожалуйста. Боюсь, что суд этого не расслышал.

– Да.

– Как вы познакомились изначально?

Молчание. Поверенная прокурора бросает взгляд на судью в очках с толстой оправой. Они кажутся анахронизмом рядом с париком, который смотрится так, будто принадлежит к другой эпохе. Судья неодобрительно наклоняется вперед:

– Миссис Пейдж, вы хотите, чтобы вопрос повторили?

Женщина качает головой, а затем с трудом сглатывает. Кажется, будто у нее что-то застряло в горле. Она отпивает глоток воды. Потом глядит на свои ладони, теперь совершенно неподвижные, так, словно они чужие.

И начинает говорить.

Глава 2

Бетти

Дорогая Поппи!

Как все это могло случиться? Ты была мне как дочь, а теперь... Ну что я могу сказать? Мне хотелось бы поговорить с тобой с глазу на глаз. Но, как ты убедилась, бедняжка, в часы посещений там недостаточно уединенно. И вместо разговоров я тебе пишу. Тебе может все это не понравиться. Я даже не знаю, с чего начинать. Наверное, хочу начать со своего вступления во взрослую жизнь. Ты потом поймешь почему.

Когда в 1970 году я выходила замуж, мне только что исполнилось двадцать лет, и жизнь в те времена была совсем другой. В нашем районе Ист-Энда было не принято, чтобы пара жила вместе без обручальных колец.

— Только шалавы так делают! — всегда повторяла мне мама. — Даже не думай вляпаться в неприятности, девочка, иначе я с отцом вышвырну тебя быстрее, чем ты мяукнуть успеешь!

Надо говорить — «мы с отцом вышвырнем», хотелось мне поправить. Отца вышвыривать не обязательно. Но я не посмела, потому что мать отшлепала бы меня за подобную дерзость. У нас были соседи, чья дочь «вляпалась в неприятности». Конечно, ей пришлось спешно выйти замуж, но они не вынесли скандала и переехали.

– Эта девчонка испортила жизнь родителям, – бормотала мама всякий раз, когда мы проходили мимо их бывшего многоквартирного дома.

Просто невероятно, как изменилось отношение к таким вещам за не очень долгий период времени. С другой стороны, возможно, все поколения чувствуют то же самое. Кто знает, какой станет жизнь, когда Мелисса и Дейзи будут в моем возрасте? Мысли об этом одновременно и пугают, и волнуют.

До Джока у меня никогда не было парня. Не потому, что я не хотела. Я все бы отдала, чтобы с кем-то познакомиться! Но была болезненно застенчива. Однажды мальчик из школы начал болтать со мной в автобусе, а я не знала, что сказать. Вероятно, все сложилось бы иначе, будь у меня брат, а так мужчины казались мне существами другой породы.

Помимо этого, самих возможностей найти свою любовь было мало, и случались они нечасто. Родители не разрешали мне посещать танцы, куда постоянно бегали мои подруги.

– Когда подрастешь, у тебя будет довольно времени для таких штук, – твердил отец.

Хотя мне в ту пору уже исполнилось пятнадцать лет. Он был чертовски строг.

Мать уговорила его отпускать меня в церковный молодежный клуб, но туда ходили в основном девочки. А потом однажды вечером туда заявила компания скинхедов. Они притащили с собой бутылочное пиво и разгромили это ме-

сто. Впоследствии молодежный клуб закрылся, потому что не было средств на ремонт. В результате родители вообще перестали отпускать меня по вечерам — они говорили, что это небезопасно. Моя светская жизнь на какое-то время закончилась, если не считать трат карманных денег на посиделки за лимонадом в местном баре «Хлюпик». По субботам, строго в обед, вместе с девочками из школы. Естественно, мы всегда разглядывали каждого из парней, которые туда заходили. Но никто из них не проявлял к нам особого интереса. Поэтому мы просто болтали о Дэйви Джонсе из группы Monkees. Мы все считали его развратником! На стене моей спальни висел плакат с его изображением, который достался мне бесплатно вместе с журналом «Джеки». Каждый вечер я молилась, чтобы Дэйви каким-то образом нашел меня и увез. Разумеется, я понимала, что на самом деле этого не случится, но все мы нуждаемся в мечтах, не так ли?

В школе я не слишком блистала успехами. Английский, математика, география... Все это разнообразие предметов никак не укладывалось в моей голове. Может, потому, что моя школа была очень буйной. Это мешало сосредоточиться на уроках. Вообще-то я выиграла место в гимназии, когда мне было одиннадцать лет, но родители не позволили мне этим воспользоваться, поскольку не могли купить мне форму. Я посещала местную общеобразовательную школу, у которой по непонятным причинам сложилась хорошая репутация.

Но мне нравилось рисование и вышивание.

– У вашей Бетти настоящий талант! – сказала учительница моим родителям. – Она могла бы изучать искусство в колледже или преподавать домоводство у нас, если останется здесь.

Мои родители ни за что бы этого не допустили. Они не верили в дальнейшее образование. По их мнению, все студенты были патлатыми бездельниками и дармоедами. И я им верила, не понимая тогда, что их предрассудки – от страха перед неведомым. Они еще помнили войну. Все, чего они хотели, – это безопасность и какое-то благоразумное занятие для меня. Мать трудилась на фабрике по производству электрических лампочек, пока я не родилась. А отец по-прежнему работал там. Этот путь считался правильным в пору их молодости конца сороковых и начала пятидесятых годов, и они не понимали, зачем сейчас чего-то менять.

– Я навел справки, Бетти, – с гордостью сообщил отец в день моего шестнадцатилетия. – Поговорил с боссом и нашел тебе местечко на фабричной линии. Вам очень повезло, юная леди. Есть люди, которые готовы убить, чтобы получить такую постоянную работу.

– Почему я не могу поступить в колледж изучать моделирование одежды? – пыталась я воспротивиться. Я всегда была хорошей девочкой и делала то, что мне говорили, отчасти потому, наверное, что являлась единственным ребенком в семье. Некому было за меня заступиться. Но мысль о работе

на одной фабрике с отцом, сразу за углом от нашего муниципального дома, переполняла меня ужасом.

– Все эти художественные штучки-дрючки ни к чему, – усмехнулся отец. – Они нам не помогут ставить еду на стол. Ты должна начать зарабатывать на свое содержание, если собираешься и дальше жить здесь.

Я понимаю, что это звучит сурово. Я даже представить не могу, чтобы ты сказала нечто подобное своим девочкам, Поппи. Но тогда таким образом рассуждали во многих рабочих семьях. Родители считали, что это нам на пользу. Может, так оно и было.

Сразу перед тем, как должна была приступить к работе, я села в 38-й автобус до Тоттенхэм-Корт-роуд и бродила с прежними школьными подружками по торговой Карнаби-стрит, глаза на витрины. Никто из нас не мог себе позволить купить там что-то, но мне нравилось рассматривать одежду и определять, как она сшита. Потом я обычно ходила по нашему местному рынку и приобретала материал на отложенные деньги, подаренные на день рождения и на Рождество. Я сама делала выкройки и шила наряды на маминой швейной машинке.

И тут я заметила на двери бутика объявление о вакансии. Это было по-настоящему «круто», как сказали бы Мелисса и Дейзи, хотя тогда мы использовали слово «четко». Там были затемненные окна и тусклый свет внутри, так что мы едва могли видеть одежду. В магазине звучала музыка, которая

в те дни сильно отличалась от нынешней. «Требуется продавец-консультант, – гласило объявление. – На постоянную работу».

Почти не соображая, что делаю, я зашла внутрь и заполнила бланк соискателя.

– Нам нужен человек, который мог бы давать клиентам советы о моде, – пояснила мне управляющая.

– Что ж, – сказала я, проведя рукой по своему жакету. – Вот это я сшила сама, как и юбку, которая сейчас на мне.

– Даже так, значит?

Когда я вернулась домой, отец был красным от ярости.

– Что это еще за работа в каком-то магазине одежды? – воскликнул он. Управляющая уже позвонила по домашнему номеру, который я оставила на бланке, и сообщила родителям, что вакансия за мной, если я все еще в ней заинтересована. Я ожидала, что мама тоже возмутится, но она была весьма впечатлена. Это показалось мне самым забавным.

– Не волнуйся. Я уговорю отца.

Так она и сделала, отчасти оттого, что в магазине платили больше, чем на фабрике. О, как же мне там нравилось! Я познакомилась со множеством клиентов, которые всегда возвращались в наш магазин, потому что я могла подсказать, что им подходит, а что нет. По-моему, им нравилась моя честность. Я советовала, как носить что-либо немного по-другому, например приспустить джемпер с одного плеча или дополнить наряд плетеным поясом из нашего нового ассорти.

тимента.

Иногда они спрашивали, где я приобрела одежду, которая на мне. Я поясняла, что сшила ее сама. «А вы можете сделать для меня что-то подобное?» – интересовались клиенты.

Я спросила управляющую, можно ли так поступать.

– Нет, – ответила она. – Но ты можешь изготовить несколько нарядов для магазина, и мы их продадим, а прибыль пополам. Устраивает тебя такое?

Более чем. Мне удалось отложить достаточно денег, чтобы купить маме ее любимые духи на день рождения – «Блю грасс» от Элизабет Арден. Но другие девушки из магазина стали завидовать мне, поскольку я получала больше, чем они, благодаря этим побочным заработкам. Они начали обо мне шептаться и постоянно спрашивали, почему у меня нет жениха. Из-за этого я чувствовала себя не в своей тарелке, словно со мной что-то не так. В те годы люди еще использовали выражение «в девках засиделась». Это считалось худшим, что могло случиться с девушкой, кроме внебрачной беременности, – не найти никого, кто захотел бы взять тебя замуж.

К тому времени мама уговорила отца разрешить мне ходить на дискотеки с подружками. Мне тогда уже исполнилось семнадцать лет. Но там было очень шумно и полно уверенных в себе девушек, которые танцевали, вскинув руки над головой. Когда включали спокойную музыку – сигнал для парней подойти и пригласить девушку на «медленный»

танец, – никто даже не приближался ко мне. В общем, я просто уходила домой пораньше и садилась шить.

А вскоре произошли два действительно крупных события, которые по-своему изменили мою жизнь. Сначала я получила новую работу – в секции шляпок универмага, недалеко от дома. Персонал там был старше, чем в бутике, и гораздо приятнее. Наверное, ужасно такое признавать, но, оглядываясь сейчас назад, я понимаю, что это было самое счастливое время в моей жизни. А потом меня там спросили, не желаю ли я иногда выступать в качестве модели на регулярных показах для постоянных клиентов. Вероятно, у меня был «правильный тип лица», как выразилась начальница отдела.

Даже в своих самых смелых мечтах я никогда не думала о том, чтобы стать моделью! Такое случалось с другими девушками – хорошенькими. Я же была просто обыкновенной, с волосами мышиного цвета и веснушками. По крайней мере, так меня приучили считать. С другой стороны, Твигги служила живым доказательством того, что девушка из рабочего класса может попасть на обложку журнала «Вог». Конечно, на подобное я не рассчитывала. Но демонстрировать шляпки на подиуме тоже очень волнующе, не находишь? Удобно еще и то, что они могли бы отчасти прикрывать мое лицо, чтобы зрители не увидели, как я нервничаю.

И снова родителям это пришлось не по нраву.

– Манекенщица – не та работа, которой занимаются порядочные девушки! – заявила мама. Но тут же изменила свое

мнение, когда я рассказала о положенной мне скидочной карте универмага, которую могла бы передать ей.

Ты можешь посчитать их корыстными, но надо понимать, что они росли в годы войны. С деньгами было туго. Продуктовые талоны отменили только к 1954 году. Каждый пенни был на счету. Не то что сейчас, когда множество людей легко используют весь лимит своих кредиток.

Возможно, ты удивляешься, Поппи, зачем я так много рассказываю тебе о своей юности. Однако это важно для нас обеих. Поверь мне.

А вторым большим событием стало то, что у меня наконец-то появился первый парень.

Я познакомилась с Джоком в хоре при нашей местной церкви в Хэрни. Была суббота, и нас всех попросили петь на свадьбе. Нам заплатили по два шиллинга и шесть пенсов каждому!

– Гляди-ка, – сказала одна из моих подружек, толкнув меня локтем. – Этот парень новенький, верно? Симпатичный, правда?

Да, пожалуй, хотя я пока видела его только со спины. Но мне понравились темные блестящие волосы, достигающие до воротничка. А еще он был высокий – не менее шести футов! Потом мы начали исполнять гимн «Небесная любовь», и как только этот парень открыл рот, я буквально потеряла голову. Я никогда не слышала такого глубокого, сильного голоса. С первого же куплета у меня по спине побежали мурашки от

возбуждения!

Когда служба закончилась и мы все вышли на улицу, он заметил, что я не свожу с него глаз, и даже подмигнул! Конечно, просто из дружелюбия.

– Я слышала, что его родители переехали сюда из Шотландии несколько лет назад, ну и он с ними, – прошептала мне подруга.

Однако в его теплом, приветливом голосе присутствовал такой сильный акцент, словно Джок только что пересек границу. Я это выяснила, когда мы все собрались в маленьком кабинете хормейстера, чтобы получить деньги. Естественно, не было никакой причины, по которой Джок захотел бы приглядеться ко мне повнимательнее. В хоре состояло множество других девушек, они выглядели гораздо выигрышнее – с более заметной грудью и с лицами красивее моего. Поэтому я никак не могла в это поверить, когда осознала, что вместе с Джоком возвращаюсь домой по главной улице.

– Здесь мне сворачивать, – сказала я, когда мы добрались до перекрестка.

Джок казался разочарованным.

– Может, сходим выпить в следующую субботу вечером?

Меня никогда раньше не приглашали на свидание, не говоря уж о том, чтобы пойти в паб.

– Мне надо отпроситься у отца, – призналась я, покраснев. Это была чистая правда. Я не могла выйти погулять без разрешения. Джок теперь подумает, что я совсем ребенок!

Он наверняка потеряет ко мне интерес.

Однако Джок меня удивил.

– Я тебе вот что скажу. Пригласи-ка меня на чашку чая, и я сам попрошу твоего отца.

Словами не передать, как я нервничала! Если почитать сегодняшнюю прессу, легко вообразить, будто конец шестидесятых и начало семидесятых – это сплошной секс и наркотики. Но так было верно только для небольшой группы людей. Множество подростков по-прежнему существовали под гнетом строгих, старомодных родителей, которых пугали перемены в мире. Порой я думаю, что именно поэтому сейчас вокруг так много хиппующих бабушек. Мы боремся за то, за что недоборолись тогда.

– Я пригласила к нам домой своего друга из хора, – сообщила я вечером.

– Что-что? – удивилась мама. Мы были не из тех семейств, в которых привечали гостей.

– Он просто зайдет на чашку чая, – пояснила я. – Тебе не придется ради него накрывать стол.

– «Он»? Это парень? – резко спросил отец.

– Джок поет в церковном хоре. Он тоже работает у вас на фабрике. Его фамилия Пейдж.

Глаза отца сузились.

– Это тот юноша с шотландским акцентом?

Я кивнула.

– Он вроде нормальный, – протянул отец. – Ладно. Может

зайти, если ты так хочешь.

И Джок пришел. Мама даже упрашивала его задержаться и слегка перекусить.

– Ничего особенного, – сказала она. – Просто сосиски с пюре.

– Мое любимое! – объявил Джок, и мама просияла. – Кстати, вы не возражаете, если я свожу вашу крошку Бетти выпить в Уэст-Энд в следующую субботу?

Мама удивленно вскинула брови.

– Неожиданно. – И она вопросительно посмотрела на отца.

– Только если ты вернешь ее сюда к десяти часам вечера! – заявил тот.

– Ни минутой позднее, – пообещал Джок.

Представь, Поппи, что сказала бы Мелисса, если бы мы ввели для них такой комендантский час!

Всю неделю меня трясло от волнения при мыслях о моем первом настоящем свидании. Вдруг мне нечего будет сказать? Что мне надеть? А если я растеряюсь при заказе напитков и Джок решит, что я слишком молода для него? Ему-то было уже двадцать! А если он все отменит? Целую неделю я боялась, что вот-вот зазвонит телефон и Джок придумает какую-то отмазку. Когда этого так и не произошло, я убедила себя, что он просто не придет.

Но Джок прибыл ровно в назначенный час.

– Чудесно выглядишь! – произнес он так, будто и впрямь

это думал, а не только из вежливости. — Такое красивое платье!

— Спасибо, — тихо ответила я, разглаживая ладонями розово-голубую ткань. — Вообще-то я сама его сшила.

— Правда, что ли? Ух ты! Мне нравятся женщины с чувством стиля и талантом.

Джок сказал «женщины»? Это слово звучало так странно по отношению ко мне. Я всегда думала о себе как о девчонке. А относительно стиля и таланта мне почудилось, что он меня разыгрывает. Меня охватила паника. А если Джок просто обольститель? Я не была точно уверена в значении этого слова, но вспомнила, как по радио его сказали таким тоном, который наводил на мысль, что это не лучшее качество для мужчины.

Но Джок показал себя настоящим джентльменом. В метро он настоял, что сам оплатит мой билет, и отыскал мне единственное свободное место в вагоне, заполненном пассажирами, — вечером все стремились в центр повеселиться. Джок уже знал Лондон «как свои пять пальцев» и повел меня в паб на Аргайл-стрит, неподалеку от Оксфорд-серкус.

— Мне здесь нравится, — объяснил он. — Не совсем правильный паб, но в нем есть своя атмосфера.

Джок заказал мне второй бокал хереса. Мои опасения, что нам не о чем будет говорить, оказались напрасными. Очень далекими от действительности, в общем-то. Он расспрашивал меня о моей работе и друзьях. Потом рассказал о себе и

о том, как поначалу очень скучал по Шотландии, но теперь по-настоящему полюбил Лондон. А еще добавил, что откладывает деньги, чтобы снять отдельную квартиру. Это было так по-взрослому!

По дороге домой Джок даже обнял меня. Каждая клеточка моего тела отозвалась жаром. Когда мы дошли до угла моей улицы, он остановился под фонарным столбом.

– Ты особенная девушка, Бетти. Ты знаешь об этом?

Мое сердце затрепетало, когда Джок приблизил ко мне свое лицо. Затем его губы коснулись моих. Раньше я читала о поцелуях только в журналах. Там утверждалось, что первый поцелуй – штука волшебная. Но, честно говоря, мне всегда казалось, что это довольно противно – когда языки соприкасаются. Было немного странно ощущать губы Джока своими. Не противно, а именно странно. Но я была уверена, что привыкну.

– Ты прекрасна, Бетти, – прошептал он. – Когда мы снова увидимся?

Весь следующий год мы встречались каждую субботу. Джок начал называть меня своей «цыпочкой», что сначала показалось мне нелепым, пока он не объяснил, что это шотландская манера «обращаться к своей даме». Тогда я стала чувствовать себя совсем особенной.

На мой восемнадцатый день рождения Джок повел меня в наш местный ресторан «Берни-инн»! Я часто проходила мимо и всегда восхищалась шикарными парами, выходившими

оттуда и садившимися в свои сверкающие автомобили.

– Не возражаешь, если я сам закажу для нас обоих? – спросил он.

И слава богу! Я бы не сообразила, что выбрать. Мы взяли стейки (я никогда таких раньше не пробовала) и жареный картофель, а на десерт – рассыпчатый яблочный пирог.

Вонзив в него ложку, я наткнулась ей на что-то твердое внутри. Я не хотела ничего говорить на тот случай, если это часть сервировки. И тут я ахнула! Это было красивое колечко с маленьким бриллиантом. Когда я вытерла с него крем, оно засверкало в свете свечей.

Джок опустился передо мной на одно колено. Все в ресторане смотрели, разинув рты.

– Бетти, – произнес он, – окажешь ли ты мне честь быть моей женой?

Я чувствовала, как колотится мое сердце. Что полагалось ответить?

– Не знаю, позволит ли мне отец, – прошептала я.

– Все в порядке. Я уже получил его согласие.

Когда я сказала «да», присутствующие захлопали, словно мы находились на сцене. Отчасти я была на седьмом небе. Я выхожу замуж! Разумеется, я поступила правильно, согласившись. И в то же время что-то было не так, хотя я не могла понять, что именно.

– Тебе придется дождаться своего двадцатилетия, чтобы выйти замуж, – сказал отец, когда в тот вечер Джок привел

меня домой, с бриллиантом, ярко сверкающим на пальце моей левой руки.

– А до тех пор даже не вздумайте затевать всякие шуры-муры, – добавила мама в присутствии моего жениха. Я побагровела, как свекла.

– Два года слишком долго ждать, сэр, – заметил Джок. Я думала то же самое. Но не осмелилась бы об этом заявить.

Взгляд отца стал жестким.

– Моя дочь еще очень молода. Брак – это на всю жизнь. Если ты не в состоянии дожидаться, то таков твой выбор.

Мне хотелось плакать.

– Папа, пожалуйста, не надо! – взмолилась я.

Джок положил руку мне на плечо.

– Все в порядке, Бетти, – произнес он. – Твой отец прав. – Затем убрал руку и протянул ее отцу. – Я даю вам слово. Любовь стоит ожидания. А пока обещаю относиться к вашей дочери со всем уважением, которого она заслуживает.

Родители поверили ему.

И я тоже.

Глава 3

Поппи

Мэтью Гордон здесь? Не могу в это поверить, однако вот он – стоит прямо передо мной.

Что мне сказать? От шока у меня пересохло во рту, и язык, как губка, впитывает все слова, которые иначе могли бы вырваться наружу. Я почти чувствую повисший в воздухе запах всеобщего любопытства. Люди смотрят на нас. Как я только что упоминала – не потому, что узнают его. Те, кто помоложе, вероятно, вообще никогда о нем не слышали. Тот телевизионный сериал, принесший ему короткий период славы, вышел много лет назад, когда мне было между двадцатью и тридцатью. С тех пор, насколько мне известно, Мэтью не появлялся ни в одном крупном проекте. Актерское ремесло может быть и таким. В одно мгновение тебя любят, а в следующее уже поворачиваются к тебе спиной.

Нет. Люди таращатся, потому что у Мэтью манеры голливудской звезды первой величины. Эта уверенная, непринужденная поза и пронзительный взгляд. Когда он обращен к тебе, чувствуешь себя самой важной персоной в мире. И мне это известно слишком хорошо.

Мэтью в центре внимания еще и как новое лицо в зале, где все знакомы друг с другом – обычное дело в нашей отрасли. И если я не буду осторожна, люди захотят выяснить, за-

чем этот видный мужчина сразу подошел ко мне. А что еще важнее, почему я стою здесь, как полная дура, не в состоянии вымолвить ни слова. И действительно, с чего это я? Это Мэтью полагается нервничать из-за новой встречи со мной.

– Привет, – произношу я, наконец вновь обретая способность говорить. – Не ожидала увидеть тебя здесь!

– Вообще-то... – начинает он, но не успевает закончить, как к нам подлетает Дженнифер в сопровождении Дорис Дэйс.

– Вы мне так понравились в «Рае для Питера»! – выпаливает она. – Я даже вырезала из «Радио таймс» ваш портрет и повесила у себя в спальне! Я рыдала белугой, когда моя мать сорвала его и разодрала! После этого я высматривала вас повсюду!

– И я тоже! – говорит Дорис с придыханием. – Мечтала, чтобы вы были моим мальчиком-зайчиком! От вас все касирши с ума сходили! Где же вы теперь? В Голливуде?

Мэтью смеется. Обычно он озвучивал несколько версий, но я помню одну. Этот смех призван скрыть смущение. Оно всегда являлось частью его обаяния. Когда я впервые увидела Мэтью, то подумала, что он слишком красив и уверен в себе, чтобы разговаривать со мной. Но когда мы узнали друг друга получше, я поняла, как он трогательно уязвим внутри. По крайней мере, тогда это казалось трогательным.

– Конечно, я пробовался на роли в Лос-Анджелесе, – отвечает Мэтью, – но не захотел покидать Великобританию. –

Он бросает на меня быстрый взгляд. — Моя жена пожелала остаться здесь, а семья должна быть на первом месте.

— Ах! — восклицает Дорис. — Это так мило! Чем же вы занимались?

Мне хочется отвести ее в сторону и деликатно объяснить, что не надо задавать подобных вопросов. Но, похоже, Мэтью не возражает. Наверное, ему нравится, что его до сих пор узнают.

— То одним, то другим, — беззаботно произносит он. — Несколько небольших ролей... Еще немного преподавал в театральной школе. В наши дни молодым актерам требуется любая помощь, которую они в состоянии получить.

Мэтью удастся объяснить это почти филантропическим тоном. Я вновь вспоминаю, как ловко у него получалось быть милым с окружающими и в то же время выставять себя в выгодном свете. А еще помню, как он побуждал меня сделать что-то для «моей» пользы, хотя на самом деле получалось для его. Так почему же, хотя знаю, что это за человек, я чувствую себя настолько взволнованной?

— Это так мило с вашей стороны, — мурлычет Дженнифер, пододвигаясь к нему вплотную, без сомнения, в надежде получить от него немного волшебной «звездной пыли». — Я всегда говорю — дикция у нынешних не то что прежде!

Мэтью наклоняет голову набок, будто обдумывая ее слова.

— Во многих случаях это верно, — признает он.

– Я слышала, – с энтузиазмом добавляет Дженнифер, похоже, ободренная его частичным согласием, – что вы снова ищете роль викария! Надо сказать, я вижу вас в роли того душки-священника, если они переснимут нечто вроде «Поющих в терновнике». Он получился бы таким сексуальным!

Мне хочется провалиться сквозь землю от смущения, но Мэтью выглядит польщенным.

– Вы очень любезны. Однако эти слухи ошибочны. Вообще-то я совсем не викарий по типуажу.

И я совершенно с ним согласна.

– Тогда зачем же вы здесь? – интересуется Дорис, которая обычно сразу переходит к делу в разговорах с мужчинами.

Мэтью поправляет расстегнутый воротник, затем засовывает руки в карманы. И то и другое, как мне хорошо известно, специальные приемы для задержки ответа, как на сцене, так и в реальной жизни.

– Директор по кастингу – мой приятель, и он предложил мне влиться в тусовку. Собственно, я и сам подумываю стать агентом. – Мэтью похлопывает меня по обнаженному плечу. (На мне изумрудно-зеленый топ с открытой спиной, заправленный в одолженные брюки. Этот цвет, как мне когда-то сказали, хорошо сочетается с моими волосами.) Меня кидает в жар от его прикосновения. – И кого же я тут вижу? Свою давнюю подругу Поппи!

– Так вы знакомы друг с другом? – ахает Дженнифер. – Подумать только, как тесен мир! Вот взять хотя бы меня

– раньше я засыпала, глядя на вашу фотографию, а теперь стою рядом со своей агентессой, которая лично знала Мэтью Гордона в те времена! Невероятно, правда?

И они все смотрят на меня. Я должна что-то сказать.

– О, как ты права! – восклицаю я. – Мир действительно тесен. Рада тебя видеть, Мэтью! Извини, что не могу сейчас поболтать, но мне нужно срочно позвонить детям.

На мгновение я наслаждаюсь удивлением, мелькнувшим на его лице. Да, вот так, Мэтью Гордон. У меня теперь есть своя семья. Я выжила без тебя.

– А вы знаете, Поппи нашла мне роль в одной очень крутой рекламе! – слышу я слова Дорис, обращенные к Мэтью.

– Кстати, хорошо, что ты напомнила. Нужно, чтобы ты подписала по ней контракт, – говорю я. – И как можно скорее.

– Если хочешь, я могу заскочить к тебе, – предлагает она.

Дорис живет рядом со мной, и мы ходим за покупками в один и тот же магазин. Хотя мы и знаем адрес друг друга, ни одна из нас не была дома у другой. Несмотря на то что работаю из дома, обычно я не приглашаю к себе клиентов. Я люблю так – котлеты отдельно, а мухи отдельно. Это более профессионально, а кроме того, не беспокоит моих родных. К счастью, почти всю свою работу я делаю онлайн или по телефону. Подписанные контракты сканируются и отправляются по электронной почте. Однако Дорис – человек старой закалки и делать этого не умеет, так что мы часто встречаем-

ся в общественных местах вроде кофейен. Но из-за срочности можно сделать исключение.

– Тогда в понедельник, сразу с утра? – говорю я.

– Отлично.

Затем, отчаянно пытаюсь скрыться от Мэтью, который все равно болтается поблизости, я начинаю пробираться сквозь толпу к стойке администрации. Мне необходима зарядка для телефона, чтобы позвонить домой и уладить последние семейные проблемы. Но еще мне требуется немного разгрузить голову от потрясения. Мэтью Гордону не место в моем настоящем! Я давно и надежно упаковала его в ящик с надписью «Забывтое». Порой, спустя годы, я с тревогой думала – не столкнемся ли мы однажды друг с другом. Может, на какой-нибудь съемочной площадке, куда я приду поддерживать своих клиентов. Но такого никогда не случилось. До сегодняшнего вечера.

– Не желаете ли напитков, мадам? – спрашивает проходящий мимо официант.

Не задумываясь о том, как поеду домой, я беру стакан игристого вина и залпом осушаю его, а минут через десять – еще один. Молоденьким девушкам за стойкой требуется время, чтобы найти зарядное устройство, подходящее к моему трехлетнему телефону, но наконец одной из них приваливает удача. Она держит шнур с торжествующим видом, будто только что раскопала его в архивах, и предлагает сразу подключить, чтобы я смогла поговорить немедленно.

– У вас все нормально? – спрашиваю я, когда трубку берет Бетти. Очевидно, она уже закончила медитацию. А возможно, ее прервали мои дочери.

– Все прекрасно, дорогая! – верещит она. – Я нашла ку-пальник Мелиссы и зашила. А еще мы играли в эту очень ум-ную игру под названием «Опиши понятие». Весьма полезно для мозгов, знаешь ли!

Я невольно чувствую легкую обиду. Когда я недавно пред-ложила девочкам поиграть в «Змеи и лестницы», моя стар-шая дочь заявила, что она «уже не ребенок». Однако они без всяких выкрутасов играют в игры с Бетти.

– Спасибо, – говорю я. – А Стюарт вернулся?

– Пока нет. Ему пришлось принять кого-то с острой бо-лью, бедолаге.

– Постараюсь тут не задерживаться, – обещаю я. – Вот только пообщаюсь еще с несколькими людьми.

– Не торопись, дорогая. Но посматривай за погодой. Од-на моя подружка по йоге сказала, что с Карибского моря на нас движется ураган «Таня». Кажется, самым поганым из них никогда не дают мужских имен, верно? Чертовы секси-сты! Дейзи, прекрати немедленно! Сейчас очередь Мелиссы! Ладно, до скорого!

Я возвращаюсь в бальный зал, стараясь держаться подаль-ше от Мэтью, по виду которого ясно, что он не сумел из-бежать шквала вопросов от Дженнифер и Дорис. У меня возникает смутное желание присоединиться к ним и задать

несколько своих. Может, даже упомянуть Сандру. Но я знаю, что это очень, очень плохая идея. Прошное нужно оставлять в прошлом.

– Приветствую! Поппи, не так ли? – слышу я голос за своей спиной.

Я оборачиваюсь. Это один из новых директоров по кастингу, с которыми я стараюсь поддерживать связь. Именно они читают сценарии и понимают, что по сюжету требуется целующаяся парочка в кафе-баре на дальнем плане, позади главных героев. Или дедушка, который с внуками кормит уток в парке сразу перед тем, как там будет обнаружен труп. Обычно от статистов не требуется говорить или иметь опыт съемок, но режиссеры же не могут просто выйти и наловить на улице кого-то, кто будет играть эти роли. Слишком много правил и предписаний. Поэтому они пользуются услугами таких агентств, как мое.

– Да, – киваю я. – Она самая.

– Кто этот мужчина, с которым вы только что разговаривали? – интересуется он. – Такой весьма эффектный тип средних лет с алым галстуком-бабочкой в кармане?

– А, – отвечаю я непринужденным тоном. – Я просто училась с ним вместе в театральной школе.

– Он один из ваших клиентов?

– Нет.

Директор поглаживает свою ухоженную козлиную бородку.

– Мне надо узнать, свободен ли он. Я ищу нескольких мужчин среднего возраста для комедии, которую, возможно, скоро начнут снимать.

– Вот как? – отзываюсь я, мысленно прокручивая список клиентов. – Думаю, я сумею вам в этом помочь.

Затем я отбираю оттуда некоторые имена, включая «викария» Ронни, и начинаю свою рекомендательную речь. Честно говоря, это облегчение – отвлечься. Но, пока я говорю, в голове всплывают обрывки воспоминаний. Та боль, когда моя мать покинула дом «в поисках себя» вскоре после того, как я поступила на первый курс театральной школы. И неожиданное утешение от потрясающе красивого сокурсника, чья мать тоже «смылась», когда ему было всего двенадцать лет и он учился в школе-интернате.

«Я понимаю твои страдания», – сказал он мне в кухне общезнания, обнимая меня за плечи, когда я не выдержала и расплакалась.

Я вижу это сейчас так ясно, словно все происходило вчера. Себя в теле пухленькой девушки, лежащей рядом с Мэтью Гордоном в постели и совершенно офигевшей от этого.

«Почему ты выбрал меня?» – спросила я.

Он погладил меня по груди и потянулся поцеловать соски. «Потому что ты сама не знаешь, как прекрасна».

«Я вовсе не красавица», – смущенно засмеялась я.

«Нет, ты красивая. Ладно, пусть просто хорошенькая снаружи, но прекрасная внутри».

Я не была уверена, следует считать это комплиментом или нет.

«Но самое замечательное в тебе, – продолжил Мэтью, – то, что ты отличаешься от остальных. Ты не готова убить кого-то ради того, чтобы получить роль. И ты понимающая. Знаешь, каково это, когда твоя семья разваливается на части».

Конечно, это было правдой. Мой несчастный отец очень тяжело перенес то, что его бросили. Он был не в состоянии помогать мне. Что же касается мамы, я отказывалась подходить на ее звонки к общему телефону или вскрывать письма от нее.

«Моя мать снова вышла замуж, – сообщил Мэтью. – А потом еще раз и еще. Я даже не знаю, где она сейчас, и мне безразлично. – Его лицо потемнело от гнева. На мгновение мне стало почти страшно. – Что же такое происходит с женщинами, из-за чего они становятся такими шлюхами?»

Мэтью, вероятно, почувствовал, как я напряглась рядом с ним, и быстро добавил: «А теперь иди сюда. Хочу показать тебе, как сильно тебя люблю».

Любит меня? Я не могла в это поверить. Да и никто не мог, когда стало общеизвестно, что Мэтью и эта маленькая толстушка Поппи с буйными рыжими кудрями теперь вместе. Наша одноклассница Сандра, которой я никогда не нравилась по каким-то неведомым причинам, была особенно громогласна в выражении своего неодобрения. «Не могу понять, что он в ней нашел», – однажды слышала я ее слова,

обращенные к другой студентке.

А потом, три года спустя, они с Мэтью сошлись...

Они разбили мне сердце. И хотя Мэтью говорил, что ему очень жаль, что он чувствует себя ужасно и все такое, Сандра вела себя так, будто не сделала ничего плохого.

И конечно, это было еще не все. Я никогда не рассказывала Стюарту эту историю целиком. Не была уверена, что он поймет. Мне и самой не верилось, что такое произошло со мной.

– Кстати, раз уж мы об этом заговорили, – продолжает кастинг-директор, резко возвращая меня в настоящее. – Я был весьма впечатлен вашим послужным списком в той статье. Сейчас я участвую в новом проекте, съемки которого начинаются на юго-западе. Это нечто на стыке «Мамма миа» и «Отверженные». Площадки будут в Девоне и Корнуолле. Мы набираем массовку – место проживания предоставляется, – и я подумал, не сможете ли вы мне с этим помочь.

Он тянет меня в уголок и подзывает официанта, чтобы взять нам по бокалу шампанского. Я проглатываю его залпом – отчасти из вежливости, а отчасти потому, что все еще в шоке от встречи с Мэтью. Я слишком много выпила, чтобы вести машину. Придется ехать домой на такси, хотя это и обойдется в целое состояние.

– Отлично, – кивает он, когда мы заканчиваем обсуждать моих клиентов. – Пришлите мне все это по электронной почте, хорошо? Поговорим в понедельник.

Он поднимается из-за столика. Я осознаю, что зал опустел.

– Похоже, все ушли пораньше из-за непогоды, – указывает он за окно. Я внезапно понимаю, что снаружи все белое. Снегопад добрался до нас.

Мэтью теперь нигде не видно. Я испытываю одновременно облегчение и разочарование. В чем-то я довольна, что он увидел нынешнюю меня: постройневшую, ту, которая может пойти на вечеринку в черных кожаных штанах своей дочери. Женщину, чей цвет волос теперь описывается ее парикмахером как «тициановый». Новую Поппи, ведущую успешный бизнес.

И жену своего мужа. Который больше не заинтересован в том, чтобы заниматься с ней любовью.

Я набираю номер Стюарта, чтобы сказать ему, что еду домой. Но телефон не ловит сеть.

– Попробуйте в холле, – советует одна из официанток.

Я спускаюсь в яркое, украшенное мишурой пространство со сверкающими растяжками «Счастливого Рождества!» и огромным снеговиком, раскачивающимся посередине. Телефон Стюарта сразу же переключается на голосовые сообщения. Благодаря ландшафтному освещению снаружи я вижу, насколько толстый слой снега. Я звоню в одну из наших местных служб такси. Хотя это и не их район, они могут приехать. Мы всей семьей пользовались их услугами несколько раз.

– Извините, – отвечает мне мужской голос. – У нас проблемы из-за непогоды.

Я пытаюсь «науглить» другие компании, но там результат тот же. Если бы я любила ругаться, то высказала бы свои чувства яснее. Но когда ты мать двух девочек-подростков, ты должна подавать пример. Я привыкла держать все эмоции в себе, и это помимо кучи дел одновременно. Походы по докторам, мигающие от перегрузки стиральные машины, подписание контрактов, проверка домашних заданий Мелиссы и Дейзи, присутствие на фотопробах, чтобы успокоить нервных клиентов... Как белка в колесе! А теперь еще и это...

Несколько других гостей обсуждают, не снять ли здесь номера на ночь. Идея заполучить тихое место, где можно справиться с потрясением от встречи с Мэтью и привести мысли в порядок, кажется соблазнительной. А потом я смогу вернуться домой и продолжить разыгрывать роль жены и матери, как делаю это уже много лет. Я подхожу к молодому человеку за стойкой. Мигающая красно-зелеными огнями табличка «Сезонные предложения» висит над его головой, как дамоклов меч.

– Уверен, мы сможем вам помочь.

Он называет ошеломляющую цену, несомненно, завышенную из-за погоды и сезона.

– Я беру, – говорю я, убеждая себя, что занесу это в расходы своей компании. Еще замечаю на стойке выложенные на продажу зубные щетки и пасту. Я не захватила с собой

никакого белья на смену, да и черт с ним. Просто встану рано утром и сразу поеду домой.

С покупками в руках я направляюсь к лестнице. Я всегда предпочитаю ходить пешком, а не пользоваться лифтом. Так намного полезнее для здоровья! Но, сделав первый шаг, слышу голос. Я смотрю через перила и вижу под лестницей диван. Там сидит Мэтью, прижимая телефон к уху. Его голос тихий, но четкий.

— Мне очень жаль, Сандра. Я же говорю, все замело. Такси не вызвать, и... Ты знаешь, что я вернулся бы домой, будь такая возможность. Ну, ты же не одна там. Нет. Не говори так...

Я отшатываюсь назад. Это голос Мэтью и в то же время как будто чужой. Такого тона Мэтью я раньше не слышала. В нем отчаянные, покорные, сломленные нотки.

Я стою тихо и не знаю, что делать. Затем любопытство берет верх, и я снова наклоняюсь через перила, глядя на фигуру внизу. Мэтью уже не разговаривает по мобильнику. Он плачет. Я только однажды видела его слезы. Я и сама плакала, собственно, мои рыдания заглушали его, доказывая, как мне тогда чудилось, что мое горе больше. Я вздрагиваю и выбрасываю это воспоминание из головы, как научилась делать много лет назад.

Вероятно, я произвела какой-то шум, потому что теперь Мэтью смотрит на меня. И я спускаюсь, чтобы подойти к нему. Мне это кажется правильным в данной ситуации.

– Поппи! – Он мгновенно принимает выражение «у меня все прекрасно» вместо бывшего ужаса на лице. – Жаль, что у нас не получилось подольше пообщаться на вечеринке.

– Все в порядке, – киваю я. – Ты явно пользовался спросом.

Мэтью вопросительно глядит на меня, словно сомневаясь, произнесла я это с сарказмом или с пониманием. А я и сама не знаю. Между нами отчетливо ощущается напряжение. И я внезапно вспоминаю, как трудно было понять, что у Мэтью на уме, когда мы были моложе.

– Я бы предложил пообщаться сейчас, – продолжает он. Беспечным тоном. Слишком нарочито. – Но я пытаюсь вызвать такси до дома. Сюда никто не хочет ехать.

– У меня та же проблема, поэтому я решила остаться.

– Вот как? Это хорошая идея. – Кажется, Мэтью собирался дружески коснуться моей руки, но сдержался. Я испытываю одновременно облегчение и разочарование. – Слушай, а почему бы тогда нам не посидеть в баре?

Нет, думаю я. Ни в коем случае.

– Вообще-то я устала.

– Да ладно тебе, Попс!

И снова я замираю, услышав прежнее имя, которым Мэтью звал меня. Стюарт называл меня так в первые дни нашего знакомства, и я пресекла это.

– Нам так много нужно наверстать... И мне сейчас не помешала бы компания, чтобы обсудить то, что происходит в

моей жизни.

Я колеблюсь.

– Прошу тебя, Попс.

На сей раз Мэтью все же касается моей руки, слегка пожимая ее. Его глаза смотрят на меня умоляюще.

– Только один бокал, – наконец соглашаюсь я, несмотря на то что внутренний голос кричит: «Ты что, с ума сошла?» Но недавние слезы Мэтью меня потрясли. Что у него произошло? Должна признать, мне это любопытно.

– Спасибо. Давай найдем, где присесть, и я все тебе расскажу.

Мэтью заказывает пару бокалов белого вина – нашего любимого в прежние времена. Он что, нарочно? В любом случае, меня не нужно уговаривать. Бывают моменты, когда для храбрости нужно выпить, как говорит мой отец. Это напоминает мне о нем. Я быстро проверяю свой мобильник, но никаких сообщений от отца нет. Это хорошо или плохо? Мне следовало позвонить ему раньше, но теперь уже поздно. Отец наверняка спит.

– Это все Сандра, – начинает Мэтью, когда мы садимся.

Наверное, они разводятся, полагаю я. Конечно, меня это теперь не касается. Я замужем, у меня две очаровательные дочери. Этот мужчина ничего для меня не значит. Но я не могу не чувствовать злорадства по поводу того, как его наказывает судьба.

– Дело в том... – неуверенно продолжает он, наблюдая за

моим лицом, будто размышляет, нужно ли мне это говорить.

– Вы решили расстаться?

– Нет! – На его лице ужас. Я тут же понимаю, что совершила огромную ошибку. – Боже, нет, конечно!

Я не знаю, куда девать глаза.

– Возможно, мне не следовало ее упоминать, – тихо проносит он.

Я все еще стыжусь своей оплошности.

– Нет, – прошу я. – Расскажи, пожалуйста.

– Думаю, с давней подругой можно поделиться. Я потерял связь с остальными однокурсниками, но...

– Я очень хороший слушатель! – заверяю я.

Мэтью кивает:

– Я помню.

И вот оно опять. Напоминание, что этот человек знал меня задолго до мужа и дочерей.

– Дело в том, что у Сандры тяжелая болезнь. Рассеянный склероз. Мы старались держать это в секрете, потому что она не хотела, чтобы кто-нибудь знал. Но ей стало хуже, и теперь... ну, теперь она в инвалидном кресле.

У меня нет причин любить Сандру, однако такого я бы никому не пожелала.

– Мне очень жаль.

Мэтью опускает голову на руки, трет глаза и снова вскидывает взгляд на меня.

– Порой жизнь бывает очень жестока. Вот поэтому я и не

особо много работал, честно говоря. Я был ее основным опекуном. Я не против, конечно. Как можно? Я все сделаю ради своей жены. В конце концов, я ведь обещал любить ее и в болезни, и в здравии.

Я пытаюсь справиться с щемящей болью в груди.

– В этом и есть смысл брака, – замечаю я. – Наверное, вам обоим нелегко пришлось.

– Я знал, что ты поймешь.

Затем взгляд Мэтью смягчается.

– Ну, а ты как? – спрашивает он. Когда Мэтью был помоложе, он был из тех людей, которые скорее вещают при тебе, как радио, чем разговаривают с тобой. Но сейчас он выглядит искренне заинтересованным. – Вроде неплохо.

Теперь я чувствую себя расстроенной. Не только из-за него. Из-за прошлого, которое вернулось ко мне с его появлением. Но не могу ему об этом сказать.

– У агентства дела отлично, спасибо.

– Забавно, Попс. Я-то думал, однажды ты станешь актрисой.

Я тоже так думала. Однако обсуждать с ним это не собираюсь.

– Ну, знаешь, – произношу я, – надо реально смотреть на вещи. Не всем же быть такими успешными, как ты.

– Я только один раз выстрелил по-крупному. Слава не длится вечно. – Его голос срывается. – А кроме того, у тебя есть нормальная семья. Я бы все отдал за такое.

Маленький комок боли, который появился у меня в груди, когда я впервые увидела Мэтью сегодня вечером, с каждым мгновением разрастается все больше и больше.

– А знаешь, – говорит он, и в его глазах возникает подзрительный блеск, – мы с Сандрой очень хотели иметь детей. Но у нее не получалось.

Как же мне повезло, что у меня есть Мелисса и Дейзи! Я это понимаю. Иногда я думаю, заслуживаю ли такого счастья.

– Ну да ладно, расскажи мне лучше о своем муже, – просит Мэтью, махнув рукой, словно отметая последнюю тему. – Он тоже из нашей профессии?

Я улавливаю в его голосе нотку любопытства, наверное, как и он ранее в моем. Это придает мне ощущение собственной значимости. Вот так, Мэтью, думаю я. Может, ты и не хотел меня, зато кто-то другой захотел.

И снова я мысленно возвращаюсь к тем безумным годам, когда Мэтью бросил меня и когда мы со Стюартом познакомились в ресторане. К тому времени я уже окончила театральную школу и работала официанткой. Стюарт был там на мальчишнике одного из своих приятелей. Пьяный жених попытался ущипнуть меня пониже спины («Люблю телочек с большой кормой!»), а Стюарт попросил своего друга не быть таким хамом и извинился за него. Затем он дождался, когда я закончу смену, и спросил, можно ли проводить меня до дома.

«Благодарю, не надо», – отказалась я, решив, что он тоже пытается меня склеить. После Мэтью меня больше не интересовали свидания.

«Прошу вас, – настаивал он. – На улицах полно пьяных оборотов. Я буду волноваться, что молодая женщина возвращается домой одна».

«С чего вы взяли, что меня некому проводить?» – усмехнулась я.

Стюарт развел руками, словно говоря: «Да, вы правы. Простите. Это было чудовищно смелое предположение».

Тут мимо нас протиснулась очередная стайка молодежи, залившая шары водкой. Неделю назад на одну из наших официанток напали после работы. Мысль о прогулке по темным улицам к своей одинокой постели показалась мне еще менее привлекательной.

«Очень любезно с вашей стороны. Спасибо. Буду рада вашей компании».

– Стюарт – дантист, – отвечаю я теперь на вопрос Мэтью.

– Значит, весьма далек от актерства.

– Ага, – киваю я, стараясь не показать раздражения. В то время работа Стюарта сыграла для меня важную роль в его привлекательности. Стоматология – профессия солидная. Хотя в ней хватает собственных стрессов, они в корне отличаются от ненадежности актерского мира. А кроме того, я буквально влюбилась в Бетти и Джока, его родителей. Они казались воплощением стабильности, которой мне всегда не

хватало. Моя мать жила в Австралии со своим вторым мужем. Отец коротал одинокие дни в Уортинге.

Когда мы начали встречаться, я сразу поняла, что Стюарт полная противоположность Мэтью. Но он был добр. Из тех, кого старшее поколение называло «настоящий джентльмен». На День святого Давида Стюарт притащил мне охапку нарциссов – отчасти потому, что я наполовину валлийка по матери, а также поскольку я проговорила, что это мои любимые цветы. Он всегда звонил, если обещал. Не опаздывал на свидания. Когда я проявляла интерес к какому-то спектаклю или фильму, Стюарт покупал билеты – как сюрприз. И хотя в постели он отличался от Мэтью, со временем я научилась получать удовольствие от его более заботливой и немного нерешительной техники.

Вот от этого мужчины можно иметь детей, сказала я себе. И оказалась права. Стюарт был, по крайней мере поначалу, вовлеченным в воспитание отцом. Но его работа, отнимавшая долгие часы, неизбежно этому мешала, как и моя, когда я открыла агентство. Подобно многим молодым парам, мы столкнулись с тем, что дети и ежедневная рутина семейной жизни изменили нас. Мы сами не заметили, как начали огрызаться друг на друга, а потом, по мере роста нашей занятости, стали вести почти раздельную жизнь под одной крышей. Когда именно Стюарт начал откатываться от меня подальше на кровати? Или целовать меня по-настоящему? Я не могу назвать точную дату. Знаю только, что стараюсь как

следует выполнять свою работу и быть более-менее хорошей матерью. Если бы не Бетти, которая переехала к нам после смерти Джока, не знаю, как бы мы справлялись.

В довершение ко всему мой отец стареет и становится забывчивым. Я стараюсь навещать его в Уортинге как можно чаще, но понимаю, что этого недостаточно. Я не одна такая. Многие мои подруги находятся в схожем положении. Журналисты называют нас «поколением сандвичей». Людей среднего возраста, зажатых с одной стороны детьми, а с другой – пожилыми родителями.

– Скоро уже двадцатая годовщина вашей свадьбы, верно? – произносит Мэтью, прерывая мои размышления.

Я напрягаюсь:

– А ты откуда знаешь?

– Это было в статье про тебя, – поясняет он. – Я же стараюсь следить за новостями в отрасли.

В том интервью о Стюарте говорилось немного. Я намеренно избегала его упоминания в своих ответах, однако журналистка спросила, долго ли я замужем.

Я отпиваю глоток шардоне.

– Собственно, – говорю я, наклоняясь поближе, – я об этом тоже никому не рассказывала, однако...

«Не делай этого!» – кричит мой внутренний голос. Но слова почти уже вылетели. *Мы со Стюартом теперь больше похожи на брата и сестру. На самом деле мы не занимались сексом уже три года.*

Было бы так просто сказать ему это. У меня нет времени делиться с подружками. А Мэтью – часть моего прошлого. Он бы понял. Есть нечто такое в человеке, знавшем тебя когда-то так хорошо, что хочется выболтать ему все секреты, о которых ты никогда никому не говорила. Да, Мэтью скверно со мной обошелся, но я тогда была немногим старше, чем сейчас Мелисса. И, как я уже сказала, в нашем расставании виноват не только он.

– Но что? – спрашивает Мэтью.

«Придумай что-нибудь быстро! – приказываю я себе. – Что-то вместо этого всего!»

– В сутках недостаточно часов, чтобы все успевать, – неуверенно продолжаю я. – Возникают моменты, когда я просторываюсь между браком, материнством и работой...

Он кивает:

– Представляю. У вас с мужем, наверное, возникают трения из-за этого?

Нет! Я вовсе не хотела кидать такие намеки!

– Вообще-то у нас все хорошо. Отлично даже. Великолепно. Я просто немного выдохлась, вот и все, пытаюсь быть суперженщиной.

Так-то лучше! На минуту я едва не потеряла бдительность. Вероятно, от шока из-за того, что рядом со мной сидит бывшая любовь всей моей жизни. Мэтью напоминает мне о страсти, которую я когда-то к нему испытывала. Я почти

забыла, каким безрассудным он был. Мой мозг перерисовал его образ. Превратил в того мужчину, которого я хотела бы видеть.

– Понимаю. – Мэтью берет меня за руку. – Я тоже устал. Проблема еще в том, что мой брак не был удачным в отличие от твоего. Мне ужасно жаль Сандру, но... у нас все пошло наперекосяк еще до того, как она заболела. А потом, когда это случилось, я не мог бросить ее. Это было бы жестоко.

– А как же я? – выпаливаю я, не в силах сдержаться. – Ты бросил меня, когда...

Я замолкаю. Нет смысла продолжать. Что сделано, то сделано.

– Ты когда-нибудь задумывалась, – говорит он мечтательным тоном, – как бы сложилась жизнь, если бы мы с тобой остались вместе?

– Ага, – зло отвечаю я. – Но ведь именно ты обрубил концы.

– А тебе не приходило в голову, что я уже много раз пожалел об этом? Ты была единственной, кто меня понимал.

Я хрипло смеюсь:

– Ты ведь в курсе, какая это избитая фраза?

– В том-то и сила избитых фраз, Попс, разве нет? Их используют, потому что они, по сути, верны. Хочешь знать настоящую причину, по которой я здесь? Я прочитал о тебе ту статью в журнале, где сообщалось, что ты придешь на эту вечеринку, и почувствовал, что должен с тобой увидеться.

– Зачем, Мэтью? Что хорошего может из этого получить-ся? У меня есть Стюарт, а у тебя – Сандра.

Впервые я вижу, как он краснеет.

– Нет, Попс, я не имел в виду... Я просто хотел встретиться, понимаешь... Поболтать с тобой.

Я чувствую себя полной дурой, принявшей его потребность в дружбе за кое-что другое. Вообще-то этот раз стал бы не первым, когда ко мне подкатывал женатый мужчина. Три года назад на вечеринке родительского комитета в школе один из папаш зажал меня в углу коридора и похвалил мое платье. «Как приятно это слышать от вас», – сказала я, решив, что он просто хочет пообщаться. А потом он полез ко мне и попытался поцеловать. Потрясенная, я его оттолкнула. Вскоре его исключили из родительского комитета. Но я чувствовала себя виноватой и мучилась из-за этого эпизода несколько недель. Вдруг он истолковал мою фразу как приглашение к большему? А может, я слишком пристально на него смотрела, сама того не замечая?

Вероятно, после того случая я и стала видеть всюду схожие «подкаты», даже если на самом деле ими и не пахло. Внезапно я замечаю молодого человека, мнущегося у нашего столика.

– Извините, но, боюсь, нам придется закрыть бар пораньше из-за снега. Персоналу нужно добраться домой.

– Конечно. – Лицо Мэтью мгновенно принимает спокойное, уверенное выражение давнего товарища по работе. Ма-

терый актерище. Мне требуется на это чуть больше времени. – Надо бы еще разок позвонить жене, – говорит он, вставая. – Но сейчас уже слишком поздно.

– За ней кто-нибудь присматривает?

– Я доплатил сиделке за ночную смену на тот случай, если задержусь.

Теперь ясно, что Мэтью имел в виду, когда сказал «ты же там не одна». Его мучает беспокойство. Бедняга. Тут он снова касается моей руки.

«Это ничего не значит», – говорю я себе. Актеры известны своей чрезмерной эмоциональностью.

– Как насчет того, чтобы выпить кофе в лаундж-зоне? – предлагает Мэтью. – Я гляжу, там пока открыто, а так о многом еще хочется поговорить...

– Ну, не знаю...

– Пожалуйста, Попс. Вдруг нам больше не представится такой возможности?

И я понимаю, что, вопреки всему, не хочу, чтобы он вновь исчез, может, навсегда. Есть в Мэтью какое-то опасное обаяние. А кроме прочего, мысль, чтобы пойти в одиночестве в свою комнату и бесконечно прокручивать в голове события этого вечера, не так уж привлекательна.

– Ну вот и хорошо, – кивает он. – Подожди меня тут. А снежище действительно что надо, да? Я только схожу и узнаю, остались ли еще свободные номера.

Я надеюсь, что да, и надеюсь, что нет. Я уже глубоко сожа-

лею о своей откровенности. И все равно как же замечательно видеть его снова, хотя по-хорошему следовало бы сказать Мэтью Гордону, чтобы он убирался из моей жизни, после того что сделал. Но это моя беда. Я слишком великодушна. Причем к человеку, бесконечно от меня далекому.

Виновато я набираю номер Стюарта, но его телефон по-прежнему переключается на голосовую почту. Тогда я отправляю текстовое сообщение:

«Придется остаться здесь на ночь из-за непогоды.
Бетти в курсе.

Надеюсь, у тебя был удачный день».

В конце, что для меня нехарактерно, я добавляю смайлик-поцелуй.

И тут возвращается Мэтью.

– Просто написала мужу, – со значением сообщаю я.

– Он не будет возражать, если ты заночуешь вне дома?

– Возможно, он даже этого не заметит. Он больше женат на своей работе. Честно говоря, мы ведем совершенно раздельную жизнь.

Зачем я это сказала? Разве не я заставила себя сдержаться несколько минут назад? А теперь вот что наделала.

– О, прости, – говорит Мэтью. – Я не знал, что все настолько сложно.

– Ну не настолько, – быстро отвечаю я, пытаюсь оправдаться. Он вопросительно поднимает брови. – Просто... все меняется, когда вы вместе долгое время.

Он кивает:

– Кому это знать, как не мне. – Затем допивает кофе. – Однако есть и хорошие новости. Мне повезло снять один из последних номеров.

Я чувствую себя неловко.

– Знаешь что, – говорю я. – Вообще-то я очень устала. Оставлю-ка я этот кофе и пойду превращаться в тыкву. Возможно, увидимся завтра перед моим отъездом.

Это отговорка, и мы оба это знаем. Мэтью выглядит разочарованным, а я испытываю облегчение. Я поступаю правильно, даже если только что наболтала лишнего. Тем более от этого никакого вреда.

– Я тоже вымотан, – признается он. – Мне часто приходится вставать по ночам из-за Сандры. Ей требуется помощь в ванной и... Прости, тебе нет необходимости это выслушивать.

Меня накрывает волна сочувствия.

– Это нелегко, – произношу я.

– Нелегко, но Сандре гораздо труднее. Болеет же она. Я не хочу жаловаться.

– Ты не жалуешься, – поспешно добавляю я. – Нам всем иногда нужно выговориться. Кстати, я просто пошутила, сказав, что Стюарт не заметит, если я не приду домой ночевать.

– Разумеется. Да я уж про это и забыл.

Я не поверила бы прежнему Мэтью, но этот новый – совсем другой. Более ответственный. Его отношение к жене,

несомненно, лучшее тому доказательство.

Мы вместе направляемся к лифту.

– Ты на каком этаже? – спрашивает он.

– На четвертом.

– И я.

Мы поднимаемся в молчании, а затем шагаем по коридору, покрытому весьма изящным ковром с серыми узорами. Я не могу удержаться от мыслей – сколько же людей топтало его до нас. Супружеские пары, по выходным отдыхающие от детей; любовники на тайных свиданиях, специалисты в опостылевших командировках. Я несколько раз предлагала Стюарту отдохнуть в отеле, но он всегда говорил, что «слишком занят». Предложила недавно, и Стюарт опять отказался.

– Похоже, вот мой номер, – произношу я, сверяя цифры на двери с картонкой на ключе.

– Какое совпадение! – откликается Мэтью. – Мой – напротив. Вероятно, они держат это крыло свободным для опоздавших на рейсы.

– Думаю, ты прав, – киваю я. А потом вспоминаю, что заказывать номер Мэтью отходил к стойке в одиночестве. Вдруг он сначала выяснил, где мой? Нет. Администратор не сообщит, чтобы не нажить неприятностей. Я снова позволила своему воображению чересчур разыгаться.

– Утром увидимся, надеюсь, – говорит Мэтью.

– Ага.

Я хочу побыстрее попасть в комнату. Закрыть за собой

дверь. Но как только это делаю, то падаю на кровать, уткнувшись лицом в подушку. Слезы льются ручьем. Встреча с Мэтью всколыхнула боль, которую я носила в себе все эти годы. Мой бывший парень, может, теперь и выглядит возмужавшим, однако я вижу в нем прежние черты того красивого молодого студента театральной школы, которым он был раньше; того, кто вытирал мне слезы после развода родителей и кто разжег во мне огонь, который с тех пор никому не удавалось разжечь. «Ты все равно любишь Стюарта», – убеждаю я себя. Но я чувствую отсутствие внимания со стороны мужа. Зброшенность. Наверное, и он чувствует то же самое.

Раздается стук в дверь. Вытирая глаза, я подхожу к ней. Это Мэтью! Мое сердце колотится одновременно от возбуждения и от ужаса. «Не попусти мне быть искушаемой сверх сил. Не попусти».

– Я просто хотел попросить – дай мне номер своего телефона на тот случай, если мы разминемся за завтраком, – говорит он. – Боюсь думать, что мы можем опять потерять связь.

Мэтью протягивает мне один из тех блокнотов, которые можно найти в отелях, и ручку. Он не порывается войти внутрь. Я его и не приглашаю. Наоборот, стою в дверях, пока записываю номер. Потом Мэтью передает мне свой. Мне даже нравится его старомодный способ – записывать, вместо того чтобы просто набрать мой номер на своем телефоне.

– Спасибо, – кивает он. – С тобой все нормально?

– Да, – отвечаю я. – А что?

– Ну, у тебя такой вид, будто ты плакала.

– Нет, у меня просто глаза такие. Выглядят заплаканными, когда я сильно хочу спать.

– Ах, да, я помню. Попробуй ватные тампоны, смоченные холодной водой. Я так делаю для Сандры, если она не выспалась.

И я понимаю, что это действительно новый Мэтью. И он добрее. Мужчина, к которому я начинаю испытывать симпатию, но, конечно, не в *том* смысле, твердо говорю я себе. Я замужняя женщина и люблю свою семью.

– Что ж, спокойной ночи! – произносит он. – Чудесно было снова с тобой увидеться.

Мэтью делает шаг вперед и прижимается своей щекой к моей. Люди в актерском мире постоянно так здороваются и прощаются, но от него этот жест ощущается совсем по-другому. Мое лицо пылает жаром. Как и все прочие части тела.

– Спокойной ночи! – откликаюсь я, поспешно отступая.

Мэтью тоже отходит, но возле своей двери оборачивается.

– Ты до сих пор проделываешь тот обряд, когда ложишься спать?

Больше никто не знает, что я трижды переворачиваю перед сном подушку на счастье, за исключением мужа и, конечно, Мелиссы с Дейзи, которых научила делать то же самое. Это традиция или глупая привычка, смотря с какой стороны взглянуть, которую я усвоила в детстве, и она прижилась.

– Да.

– Меня это всегда умиляло. Спокойной ночи, Попс! Сладких снов.

Мэтью бросает на меня долгий взгляд. У меня такое ощущение, будто я отвечаю ему тем же. Я плотно закрываю дверь, запираю ее и несколько минут стою, прижавшись к ней спиной, прежде чем отправиться в душ и лечь спать. В одиночестве.

Но не могу сомкнуть глаз почти до четырех часов утра.

Глава 4

Бетти

Естественно, и Джоку, и мне отчаянно хотелось «заняться этим». Когда он меня целовал, я чувствовала внизу такой сладкий зуд, как никогда раньше.

– Я буду осторожен, если ты позволишь, – сказал он. Я не совсем поняла, что он имел в виду, и не захотела переспрашивать, чтобы не выглядеть глупо.

Но я знала, что слишком боюсь идти до конца – на тот случай, если попаду в беду. Как я уже говорила, родители вышвырнули бы меня вон, если бы я забеременела до того, как на моем пальце появилось бы обручальное кольцо.

В общем, мы с Джоком ждали, изнывая от нетерпения.

Каждую субботу мы ходили в местный паб, где я брала лимонад, а он – пинту пива. После Джок провожал меня через маленький парк возле моего дома в Хэрни, мимо скамеек, на которых располагались бродяги с бутылками, и у меня захватывало дух от предвкушения. Затем мы наконец оставались, и он начинал нежно целовать меня, держа за щеки ладонями. В первый раз, когда его руки скользнули под мой джемпер, я подумала, что должна оттолкнуть их. Вдруг Джок подумает, что я дешевка?

Но правда была в том, что я не могла. Я страстно желала его прикосновений.

– Ты великолепна... – выдохнул он, хотя не мог видеть меня в темноте.

Потом Джок попытался просунуть ладонь мне под пояс, но я была начеку.

– Нет! – возразила я тоном, который, как надеялась, был столь же стойким, как желание внутри меня.

Джок, казалось, отнесся к этому уважительно. Мгновенно он отступил на шаг.

– Прости, – промямлил он по-мальчишечьи тихо.

– Не за что, – ответила я, взяв его за руку. – Я тоже этого хочу, но это было бы неправильно.

– Я понимаю, – кивнул Джок и снова принялся целовать меня. Целоваться было безопасно. И тоже чудесно. Порой я думаю, что было бы гораздо лучше, если бы люди просто целовались, а не занимались другими вещами. Это так же интимно.

Вскоре после нашей помолвки Джок велел мне записать, сколько я зарабатываю в магазине и сколько должна отдавать родителям каждую неделю, чтобы он мог «подбить бабки».

Сам он не сообщал, сколько зарабатывает, а мне и в голову не приходило спрашивать.

Я понимаю, Поппи, что все это звучит наивно. Конец шестидесятых был временем перемен только для некоторых. Но в таких семьях, как моя, нравы и отношения оставались неизменными с прошлого десятилетия или даже с позапрошлого.

– Нам потребуется полтора года, чтобы накопить на депозит и на первые несколько месяцев аренды квартиры, – объявил он. – Мы должны предусмотреть достаточно средств и на счета, и на свадебный прием.

Это являлось камнем преткновения. Мои родители заявили, что, хотя они очень счастливы за нас, шикарную свадьбу устраивать не в состоянии. Нам придется довольствоваться холодным фуршетом «только для близких родственников» в рабочем клубе.

Я же всем сердцем настраивалась на то, чтобы отпраздновать в местном отеле. Некоторые из моих подружек уже вышли замуж, и у всех свадьбы проходили там.

Джок увидел мое разочарованное лицо и пообещал, что перераспределит бюджет так, чтобы я могла исполнить свою мечту. Но «перераспределение бюджета» означало – ужиматься, и экономить, и остаться без всякого свадебного путешествия.

– Я не возражаю против клуба, – сказала я, когда он мне это сообщил. – Правда.

Он сурово сжал губы.

– Зато я возражаю. Я бываю в разных местах, Бетти. На фабрике уже стою в очереди на повышение. Я не допущу, чтобы все говорили, будто бы я обошелся дешевой свадьбой только для родных. Есть люди, которых я должен пригласить. Влиятельные парни с работы, которые позднее замолвят за меня словечко.

Джок был человеком, точно знающим, чего хочет. Тогда это произвело на меня впечатление.

Я провела эти полтора года, зачитывая до дыр старые свадебные журналы, которые мне одалживала Джулия, девушка-соседка (она тоже вскоре собиралась замуж). Я сама сшила себе свадебное платье из шелка, купленного на Петтикот-лейн. А потом босс Джoka предоставил нам на медовый месяц свой трейлер в Девоне, служивший ему домиком выходного дня. Я была так взволнована, что остаток времени до свадьбы пролетел как в тумане.

– Чудесно выглядишь, – сказала мне начальница нашего отдела. – Любовь тебе явно к лицу, дорогая. Как ты смотришь на то, чтобы принять участие в нашем ежегодном показе модных шляпок нового сезона?

Это был восторг! Шоу имело большой успех. Все аплодировали мне, когда я шла по подиуму, но это еще и потому, что мама собрала в зале своих подруг. Теперь, когда мне повысили зарплату, она стала мной гордиться. Представитель местной газеты тоже присутствовал там. Журналист выглядел воодушевленным, приговаривая «вот отличный ракурс», когда я сообщила ему, что скоро выхожу замуж, и они разместили мою большую фотографию на первой полосе под заголовком «Будущая невеста поражает публику на показе мод». А вечером все сотрудницы, включая меня, отправились на роликовый каток – за счет начальницы, – чтобы отпраздновать успех. Было так весело!

Но в следующие выходные я заметила, что Джок какой-то притихший. А еще он давно не называл меня своей «цыпочкой».

– Что-то не так? – спросила я.

– Ничего, – ответил он, водя пальцем по ободку пивного бокала, что, как я замечала, всегда делал, когда нервничал.

Однако я чувствовала: что-то происходит, но не хотела на Джока давить. Только бы он не передумал! Джулия, которая одалживала мне свадебные журналы, оказалась брошенной у алтаря. Она уже несколько недель не выходила из дома от такого позора. Я бы умерла, если бы подобное случилось со мной. Я просто знала, что так и было бы. Может, мне не следовало брать у нее эти журналы. Вдруг через них мне передалось ее невезение!

Я изо всех сил старалась подбадривать Джока, пока приближалась дата нашей свадьбы, делая вид, будто не замечаю его угрюмости и молчания. Однажды вечером, когда мы возвращались из паба, Джок, как обычно, остановился в парке и взял мое лицо в ладони. Но вместо того, чтобы поцеловать меня, посмотрел мне прямо в глаза.

– А если мы совершаем ошибку? – произнес он. – Брак – это большое дело, не так ли?

Мое сердце затрепетало так, словно собралось выпорхнуть из груди.

– Да, – кивнула я. – Но мы же любим друг друга. У нас все будет хорошо.

Джок отпустил мое лицо.

– Надеюсь, что так.

Ноги подкашивались подо мной, и я боялась, что они откажутся меня держать.

– Что ты имеешь в виду? – тихо спросила я. – Ты встретил кого-то еще?

– Нет, – твердо ответил он. – Разумеется, нет.

Меня захлестнула огромная волна облегчения.

– Просто, ну... ребята с работы говорили, что законы о разводе изменились. – Джок нервно переминался с ноги на ногу. – Парню теперь придется гораздо труднее с финансовой точки зрения, если брак распадется.

На самом деле Джок был прав лишь отчасти. Новые законы подразумевали, что отныне никто из партнеров не должен доказывать вину, например неверность, другого при расторжении брака. Однако из этого не обязательно следовало, что «парню придется труднее, с финансовой точки зрения», как выразился мой жених. Как же это было типично, что Джок и его приятели истолковали изменения как нечто такое, что больше на руку женщинам, чем мужчинам.

В те дни я мало знала о законах. Но знала, что люблю Джокка. И я бы не перенесла унижения из-за разорванной помолвки. Одна из женщин, работающих у нас в отделе нижнего белья, продолжала носить свое кольцо невесты, но уже на правой руке. «Он сказал, что я могу оставить его себе», – пояснила она однажды вечером, когда мы вместе выходили с ра-

боты. Я не могла отделаться от мысли, что, будь я на ее месте, вернула бы кольцо немедленно. Выставлять его на всеобщее обозрение – это как объявлять всему миру, что тебя кинули.

– Но наш брак не распадется, Джок! – воскликнула я. – Он будет прочным! Мы нарожаем кучу детей! Целую футбольную команду!

– С такой кучей будет трудновато справляться! – рассмеялся он.

– Почему ты вообще задумался о разводе?

В те дни это было не так распространено, как сейчас. Я знала только одну девочку из школы, чьи мать с отцом расстались, да и то они всегда были «слегка с приветом», как говорили мои родители. Браки, как и встарь, должны были заключаться навечно. У них не было «срока годности». Такое не допускалось.

– Я думаю, все будет в порядке, если... – начал Джок и замолчал.

– Что?

– Если ты бросишь работу в универмаге.

Я замерла. В груди похолодело, несмотря на теплый летний воздух. Зачем же мне это делать?

Я слышала рассказы матери о том, как в ее время многим мужчинам не нравилось, что их жены работали, поскольку это выглядело так, будто мужа не способны их «содержать». Это было старомодно!

– Но Джок, – тихо сказала я, – мне нравится моя работа.

– А мне не нравится, как на тебя смотрят мужчины, – заявил он. Его тон стал более холодным.

– О чем ты вообще?

– Да ладно. Ты наверняка замечаешь. Все началось после той газетной статьи о тебе на показе мод. С тех пор приятели меня постоянно подкалывают. Говорят, что я не успею оглянуться, как ты подпишешь контракт с каким-нибудь модным агентством и будешь летать по всему миру.

– Что? Мне даже в голову такое не приходило. У тебя совсем неверное представление. И то, что люди смотрят на меня, – чепуха.

– Неужели? Однажды вечером я зашел за тобой на работу и видел того старикана в шляпе и шикарном костюме. Он на тебя пялился.

– Ты имеешь в виду мистера Годдарда? – Я рассмеялась. – Он не пялился. Его жена – одна из моих постоянных покупательниц. Он ходит рассматривать шляпки, чтобы сказать ей, какая ему больше нравится.

Джок отступил от меня еще на шаг, словно не хотел больше находиться рядом.

– Не смей надо мной смеяться! Он пялился. Я видел сам. И он там не один такой. Тот показ мод открыл мне глаза.

Мне с трудом верилось, что Джок говорит такие вещи.

– А я думала, тебе понравилось. Ты сказал, что я прекрасно выглядела.

– Да. Но все остальные мужчины в зале явно тоже так счи-

тали. А мне не по нраву мысль, что на мою жену будут таращиться другие парни.

– Что ты хочешь сказать? – спросила я. От смятения и беспокойства у меня разболелась голова.

– Если ты уйдешь с работы, я все-таки женюсь на тебе.

Джок произнес это так, будто делал мне одолжение. Я вспомнила о прекрасном шелковом свадебном платье, висевшем в шкафу. И о платьях подружек невесты для моих кузин (всех троих!), которые шила сейчас. О горячем фуршете с грибным жульеном, оплаченном заранее, и об отеле, который был заказан вместе с группой музыкантов после долгих месяцев скупости и экономии. О приглашениях на серебристо-белых открытках, которые разосланы. И о депозите за наше будущее жилье, а он ведь вот-вот накопится.

– Но как же мы обойдемся без моей зарплаты? – спросила я. – Она нам необходима, чтобы снять квартиру.

– Я не против того, чтобы ты работала, – ответил Джок так, словно разговаривал с дурочкой. – Я просто сказал, что тебе придется уволиться из универмага. Мой босс обещал, что сможет подыскать тебе место на фабрике вместо этого. – Он говорил быстро, словно все уже решил. – Тебе понравятся девушки на конвейере. Они дружелюбны. Не такие зазнайки, как в твоём магазине. И мы сможем видеться в обеденный перерыв. Будем работать вместе и домой возвращаться вместе! – Джок снова обхватил мое лицо ладонями. – Ну разве не славно?

Я знаю, что тебе это может показаться чрезмерным контролем, Поппи. Однако в те дни большинство женщин мечтали, чтобы мужчина был главным. От этого мы чувствовали себя защищенными и любимыми. Конечно, мне не хотелось менять работу. Но послушная жена делает то, что велит муж. Так меня воспитали.

– Да, – кивнула я, засунув поглубже свои сомнения. – Было бы здорово.

– Вот и хорошо. – Джок провел рукой по моему джемперу. – Не могу дождаться, когда мы поженимся.

Но прежнее чувство легкости и волнения исчезло из моего сердца. И оно не возвращалось еще несколько лет. А когда это случилось, жизнь моя перевернулась с ног на голову.

Теперь, когда я перечитываю это письмо к тебе, мне хочется посмеяться над собой прежней. Как же я была глупа! Как наивна. И в то же время я вынесла из этого три урока, которые хочу преподать тебе, Поппи, а также моим драгоценным внукам. Первое – цените себя. Второе – всегда следуйте своей интуиции. И третье – отличайте правильное от неправильного.

Но я знаю, о чем ты подумаешь. Теперь это слишком поздно.

Для всех нас.

Глава 5

Поппи

На следующее утро я просыпаюсь, чувствуя какую-то непривычность, но пока не понимая, что именно. Затем смотрю на ярко-синие парчовые шторы, так не похожие на наши домашние кремовые жалюзи в колониальном стиле, и на современный туалетный столик у изножья кровати вместо моего старого викторианского бюро перед нашим чудесным эркерным окном с видом на парк. И мгновенно все вспоминаю. Я в отеле. Я была здесь на рождественской вечеринке Актерской ассоциации. И встретила Мэтью Гордона. Более того, я долго разговаривала с ним о разном, чего делать не следовало. Я сказала ему, что Стюарт может не заметить моего отсутствия дома и что мы живем совершенно раздельной жизнью.

От смущения моя кожа покрывается мурашками. Вероятно, вчерашнее спиртное – его привкус до сих пор во рту – это причина, но никак не оправдание. Вдруг Мэтью расскажет кому-нибудь, что мой брак трещит по швам? Директору по кастингу, например. Сплетни в нашем бизнесе – обычное дело. До Стюарта-то это вряд ли дойдет, верно? Но любые предположения о том, что кто-то переживает непростой личный период, могут повлиять на доверие людей к вам. Я видела, как такое произошло несколько лет назад с моей кон-

куренткой, у которой случился нервный срыв после развода. Клиенты побежали от нее толпой, и ей пришлось закрыть свое агентство.

Но нет. Зачем Мэтью это делать? Он же сказал, что уже забыл об этом, не так ли? А кроме того, он и сам делился со мной секретами. Что у Сандры рассеянный склероз и она в инвалидном кресле. Он по-настоящему плакал. А потом был весь этот разговор о детях...

Хватит, говорю я себе твердо. Вот поэтому и не надо в жизни оглядываться назад. Прошное должно оставаться в прошлом. Бетти постоянно это повторяет, и она права. Нужно двигаться вперед. И в данный момент это означает – вернуться к своей семье. Внезапно меня охватывает сильное желание помчаться домой, проскользнуть в постель рядом с мужем, прижаться к его спине (Стюарт редко спит ко мне лицом), а потом, когда прозвонит будильник, встать и приготовить завтрак для девочек. Они, несомненно, начнут ссориться и задирать друг друга. Бетти примется медитировать наверху, и аромат благовоний будет доноситься из ее комнаты. Стюарт станет разглагольствовать о неправильных прикусах и о том, что надо не забыть вынести мусор. В данный момент я очень тоскую по безопасной обыденности всего этого. Даже несмотря на то что мужчина, которого я когда-то любила сильнее, чем собственного мужа, спит сейчас в номере напротив моего.

Я бросаю взгляд на неоновые гостиничные часы рядом с

кроватю. Пять тридцать утра. Наверное, от беспокойства я проснулась так рано. Если потороплюсь, то смогу убраться отсюда, не столкнувшись с Мэтью за дверью. Это означает остаться без завтрака, несмотря на то что он включен в грабительскую цену за номер. Ну так что ж теперь?

Душ помогает взбодриться. Вода стекает по голове, смывая все эти путанные мысли. Вот и все, говорю я себе. Это просто мысли о том, что могло бы быть. Не реальные поступки. Я не совершила ничего плохого. Ладно, пусть немного сболтнула лишнего о своей личной жизни, но, если это где-то всплывет, я буду все отрицать. Хотя после истории с мамой я всегда гордилась, что говорю правду. Однако мне не по себе. Почему-то вспоминаю, что никогда не рассказывала Стюарту о Мэтью в пору знакомства, поскольку все еще испытывала боль. С другой стороны, умалчивание за ложь не считается, верно?

Я сушу волосы феном. Они выглядят слегка спутанными без моей насадки, которая завивает кончики и создает впечатление профессиональной горячей укладки. Со мной нет привычного тонального крема и румян тоже нет. Я не собиралась здесь ночевать. Что подумает моя прежняя любовь, если я все же наткнусь на него и он увидит меня в таком виде? «Это не твои проблемы», – напоминаю я себе. Однако чувствую себя странно, ведь Мэтью когда-то играл важную роль в моей жизни. Хотя теперь это ничего не значит.

Натянув вчерашнюю одежду и вывернув трусики наизнан-

ку, чтобы как-то обойтись без запасной пары, я хватаю свой телефон, кидаю быстрый взгляд на закрытую дверь Мэтью и спешу к лифту, чтобы оставить одолженное зарядное устройство на стойке администратора. И тут я вспоминаю. Заносы! Пока еще слишком темно, чтобы в окно можно было разглядеть дорогу. Вдруг я не сумею вести машину или вызвать такси? Мне придется завтракать здесь, и скорее всего я увижу Мэтью. Может, мы даже окажемся за одним столом. Или он так же смущен, как и я, этими вчерашними откровениями и притворится, будто не замечает меня в холодном утреннем свете?

– Похоже, снег все же ненадолго, – произносит девушка за стойкой.

Вспыхнувшее во мне разочарование быстро сменяется облегчением. Вот и славно, повторяю я себе. Пусть я выбита из колеи встречей с Мэтью спустя столько лет, но это просто потому, что он много для меня значил прежде. В прошлой жизни. Не в этой.

– Я что, первая съезжаю? – интересуюсь я, протягивая ключ от номера. И пока говорю, понимаю, что не следовало спрашивать. Наверняка это противоречит каким-то правилам конфиденциальности.

Девушка качает головой:

– Пара человек уехали до вас.

Мое сердце пропускает удар. «А среди них был красивый мужчина средних лет, с темными, зачесанными назад воло-

сами и крупным носом?» – хочется мне спросить. Но вместо этого я просто оплачиваю счет, прежде чем отваживаюсь выйти на парковку, и обхватываю себя руками от холода, который буквально пробирает до костей. Затем я пытаюсь соскрести лед с лобового стекла при помощи кредитной карты, потому что специальный скребок, купленный мною в прошлом месяце, куда-то подевался из багажника. Почему такое всегда происходит?

Я люблю лето, а вот Стюарт обожает зиму. Однажды на втором курсе мы с Мэтью съездили в дешевый тур на Корфу. Ночами мы занимались любовью на пляже. Стюарт никогда не сделал бы ничего подобного. Он бы обязательно сказал, что песок «налипнет на наши слизистые». Дантисты бывают очень нудными.

«Хватит!» – снова обрываю я себя, завожу двигатель и осторожно выезжаю с парковки на главную дорогу. Ладно, пусть наша сексуальная жизнь не идеальна. На данный момент ее вообще не существует. Однако брак – это ведь нечто большее, не так ли? Стюарт – хороший человек. И отец моих детей. Да, ему не помешало бы почаще бывать дома, но он просто старается обеспечить семью, так же как и я. Естественно, у него есть амбиции. Ну так и у меня они есть!

В конце улицы я поворачиваю направо, следуя указаниям спутникового навигатора, но мои мысли не поспевают за дорогой. Я не просто отвергаю собственного мужа; получается, что я делаю то же самое по отношению к своим девочкам.

Ведь если бы я не вышла замуж за их отца, Мелиссы с Дейзи не существовало бы. Сама мысль об этом невыносима. Что бы я без них делала? И тут все тот же вопрос, который постоянно преследует меня даже спустя столько времени, вновь возникает у меня в голове. Сожалела ли моя мать о том, что бросает меня? Видимо, она решила, что я не стою того, чтобы остаться и мучиться.

Внезапно машина, едущая передо мной, резко останавливается. Только не ври себе, что ты не видела стоп-сигнала! Я бую по тормозам, но слишком поздно. Дороги все еще покрыты льдом, и меня сносит прямо в корму черного «БМВ».

– И зачем тут было вставать? – бормочу я, вылезая из-за руля. И только теперь вижу светофор, который должна была заметить, если бы не размышляла о том, как могло бы быть в моей жизни.

К счастью, никто не пострадал. На той машине лишь небольшая царапина, но на моей – заметная вмятина спереди. Мы обмениваемся телефонными номерами и страховыми данными. Я безостановочно повторяю: «Извините, извините», хотя меня тянет сказать совсем другое. Но я виновата. Мне следовало быть сосредоточеннее. Нельзя было позволять воображению так разыграться.

– Дело не столько в ущербе, сколько в неудобстве! – выпаливает остроликая женщина-водитель, у которой, судя по мелькающему розовому шелку между застёжек, под пальто вечернее платье. Она так расстроена, что я задумываюсь –

не едет ли она откуда-то, где не должна была находиться. А может, я просто проецирую на нее свою вину за то, что была в баре с Мэтью. Мне не за что себя винить. На самом деле я не совершила ничего плохого. «Но ты могла это сделать», — не унимается тихий голос в моей голове. Ерунда! Я не такая женщина.

— Извините! — снова повторяю я, приглядываясь к своей машине. Повреждения даже сильнее, чем я предполагала. Спереди все всмятку. В прежние времена, когда я только начинала бизнес, а Стюарт расширял свою практику, цена страховки была бы настоящей проблемой. Теперь мы, по крайней мере, можем позволить себе такие маленькие неприятности. Главное, что никто не пострадал. Но такое вполне могло случиться. И по моей вине. Теперь еще придется объяснять это Стюарту. Я — аккуратный водитель. Если признаюсь, что задумалась и допустила ошибку, он может поинтересоваться — о чем...

В мрачном настроении я продолжаю свой путь, с повышенным вниманием глядя на коварные дороги, где сейчас все начинает таять. Удивительно, что рядом с домом удастся найти свободное место для парковки. Несмотря на то что средняя стоимость недвижимости на нашей улице около миллиона фунтов, ни у кого из нас, как и у многих лондонских домовладельцев в аналогичной ценовой категории, нет специального собственного места для машины, если только вы не решите заасфальтировать палисадник — то, что я отка-

зываюсь делать, потому что очень люблю магнолию. Стюарт считает, что я слишком сентиментальна, но, к счастью, Бетти со мной согласна. «Ты не можешь рубить живое существо! – воскликнула она в ужасе, когда эта тема была поднята. – Это то же самое, что и убийство!»

Стараясь не шуметь, я вставляю ключ в замок. Передо мной простирается наш прекрасный холл, в который через розово-зеленое витражное окно над входной дверью проникает утренний свет. Когда я вспоминаю о маленьком бунгало, в котором росла, обо всех убогих студенческих комнатухах впоследствии, о крохотной квартирке, где мы со Стюартом начинали семейную жизнь, – я все еще с трудом верю, что мы живем в таком потрясающем доме. Но когда Бетти с нами съезжалась, она настояла на том, чтобы вложить в него накопленные ею и Джоком средства – удивительную сумму, благодаря некоторым хитрым инвестициям моего свекра, – и мы тогда купили этот дом дешевле рыночной стоимости. Пара, которая владела им в то время, собиралась разводиться, и они хотели побыстрее обратить имущество в деньги.

«Нам надо очистить его от негативной ауры, – заявила Бетти. – В домах скапливаются положительные и отрицательные эмоции. Не волнуйтесь. Я позабочусь об этом сама. У меня есть специальная книга».

Сейчас, когда я на цыпочках крадусь мимо ее спальни – только что протикало семь утра, и все еще спят, потому что

сегодня суббота, – мне приходит в голову мысль, что своей свекрови я могла бы довериться. Сказать: «Вчера вечером я встретила человека, которого когда-то любила». Да ну, нелепость. Это прозвучало бы как сожаление о том, что я вышла замуж за ее сына. Естественно, мне это не нужно. Просто встреча с Мэтью после стольких лет пробудила во мне чувства, которые я давно подавила в себе. По крайней мере, думала, что подавила.

Я открываю дверь нашей спальни, готовясь нырнуть в постель рядом со Стюартом. Но жалюзи открыты. Постель пуста. Где же он? На туалетном столике лежит записка:

«Уехал на конференцию. Надеюсь, ты хорошо провела время».

Я совсем забыла! Стюарт упоминал о каком-то собрании несколько недель назад, но это вылетело у меня из головы. Где оно намечалось? В Лестере? Он поедет за рулем или поездом? Наверное, он только что вышел, потому что его пижама, аккуратно сложенная на кровати, еще теплая. Я прижимаю ее к себе, вдыхая знакомый запах. Мэтью обычно спал голым. Интересно, делает ли он так до сих пор?

Хватит!

Я ложусь на свою сторону кровати, вымотанная от всех потрясений. Мэтью. Машина. Едва я касаюсь головой подушки, как проваливаюсь в дремоту, и тут кто-то прыгает на пустую сторону кровати рядом со мной.

– Бабушка сказала, что нам нельзя тебя беспокоить и что

ты должна отдохнуть после вечеринки. – Дейзи трясет меня за плечо. – Но Расскажи мне, как все прошло. Было весело?

Хотя моей младшей дочери уже четырнадцать, я до сих пор вижу в ней ребенка. В Дейзи есть та юная непосредственность, которую Мелисса, придавленная грузом надвигающихся выпускных экзаменов, уже начинает терять.

– Вроде того, – сонно отвечаю я. – Хотя я ходила туда только затем, чтобы завести связи.

– Какие связи? – спрашивает дочь, накручивая на палец прядь моих волос.

Лицо Мэтью возникает перед моим внутренним взором.

– Просто с людьми, которые могут быть полезны для моего бизнеса.

– Не забудь, что сегодня мы идем покупать мне новые туфли! – взволнованно восклицает Дейзи. – Я уже выбрала какие.

У меня екает сердце. Походы за обувью меня пугают. Слава богу, Мелисса теперь покупает себе все сама из тех средств, что мы ей выделяем, но с ее младшей сестрой мне пока приходится проходить через установившуюся схему «я понимаю, что ты хочешь эти, но они непрактичны и не годятся».

– И не забудь, что ты обещала подбросить нас сегодня на нашу вечеринку! – напоминает старшая, стоя в дверях.

– Я разве обещала? – удивляюсь я, глядя на взъерошенные волосы Мелиссы и на размазанную тушь, которую она

не смыла вчера вечером. Я твержу ей, как это важно и как она будет об этом жалеть, когда станет старше, но она не обращает на это внимания. Мол, да кто я такая, чтобы ее учить. Несмытый макияж стоит у нее сейчас последней строчкой в списке возможных жизненных ошибок.

– Сначала мне нужно разобраться с машиной, – продолжаю я, стараясь, чтобы голос звучал нормально. Мне кажется, будто глаза Мелиссы просвечивают меня рентгеном и она знает все, что я сделала. Или еще не сделала. – По дороге домой я попала в небольшую аварию.

– Ты в порядке, милая? Что случилось? – спрашивает Бетти. Теперь они все собрались в моей спальне.

– Да не успела вовремя затормозить впотьмах на льду. – По крайней мере, отчасти это правда.

– Но на ней ведь все равно можно ехать? – Это Мелисса. – Нам очень нужно попасть на эту вечеринку, а никто из родителей моих подружек не сможет нас забрать.

Почему подростки порой так эгоистичны, а иногда так милы?

Дочь прищуривается:

– Кстати, а ты где была?

Я смотрю на эту красивую высокую черноволосую юную женщину и в очередной раз удивляюсь, как это часто со мной бывает, что: а) она моя дочь; б) у нее получается обращаться со мной так, будто это я подросток. Я бы никогда не осмелилась разговаривать так со своими родителями. Временами

я думаю, не следовало ли быть с ней пожестче. Но у Мелиссы сильный характер. Бетти говорит, что «каналы общения с подростками» важно держать открытыми, и я считаю, что она права. Хотя иногда мне кажется, что я уступаю.

– Я же предупреждала, что уезжаю на свой рабочий прием, – произношу я.

– А я говорила вам, юная леди, – добавляет Бетти, – что ваша мама не сможет вернуться и останется там ночевать из-за снега.

– Но снегопад давно закончился, – замечает Мелисса, пристально глядя на меня. Это просто нелепо. Я чувствую себя так, будто нахожусь на допросе. С другой стороны, отец ее лучшей подруги недавно ушел из семьи, и у половины класса родители в разводе.

– Вчера вечером в районе отеля он был очень сильным, – поясняю я. – Но к утру все прояснилось. Кстати, папа говорил вам, когда собирается вернуться?

– Нет. – Бетти бросает на меня странный взгляд. – Ты хорошо себя чувствуешь, дорогая?

Я стараюсь говорить тоном женщины, которая вовсе не сталкивалась недавно лицом к лицу с мужчиной, разбившим когда-то ей сердце и изменившим жизнь:

– Просто слегка расстроилась из-за машины.

– Ох, да не беспокойся об этом! Я могу отвезти Мелиссу и ее подружек на ту вечеринку.

Серьезно? Бетти научилась водить автомобиль только по-

сле смерти Джока. Она «никогда к нему даже не приближалась» раньше, но быстро привыкла к рулю, как утка к воде.

– Это было бы здорово.

На меня вдруг накатывает волна любви к моей удивительной семье. Как же мне повезло, думаю я, обнимая своих девочек (Мелисса мгновенно перестала хмуриться, как только вопрос с ее вечеринкой разрешился).

– Вот что я вам скажу, – произношу я. – Как насчет того, чтобы сходить в боулинг после того, как мы с Дейзи закончим с покупкой обуви?

Мелисса морщит нос:

– Скучно.

– Тебе всегда там нравилось, – замечает Бетти.

– Что ж, теперь я повзрослела. А еще мне надо доделать курсовую, иначе мама будет меня пилить.

Мне бы тоже не мешало поработать, напоминая я себе. Суббота – мой день для того, чтобы привести в порядок бумаги, к которым я не прикасалась в течение недели. Но дети должны быть на первом месте. В общем, мы отправляемся в торговый центр «Брент-Кросс».

Вылазка за обувью и впрямь оборачивается тем, чего я боялась.

– Я ненавижу такой стиль! – протестует Дейзи, отталкивая от себя пару приличных туфель на шнуровке.

У меня вырывается стон:

– Это единственная подходящая пара! Мы уже обошли

семь магазинов. Просто возьми эти. Пожалуйста.

Молодая продавщица, чей макияж выглядит так, будто его наносили малярной кистью, бросает на меня неодобрительный взгляд. Когда у вас будут дети-подростки, хочется мне сказать, вы тоже будете умолять, чтобы это поскорее закончилось.

Мне приходит сообщение от Стюарта:

«Конференция проходит неплохо. Как ты там?»

«Кошмар! Покупаем обувь с Дейзи».

«Ну, удачи тебе!»

У него-то все в порядке. Стюарт хорошо поднаторел в своих ученых лекциях о коронках, коренных зубах и корневых каналах.

Когда мы возвращаемся домой, Мелисса расхаживает туда-сюда.

– Где мои черные кожаные штаны? Те, что я тебе давала?

– А, прости. В моей комнате. – Я бегу наверх и приношу их.

– Ты их надорвала по шву на левой ноге.

– Разве?

– Как это случилось?

Честно говоря, я не знаю, но чувствую, что краснею.

– Понятия не имею.

– Все в порядке, – вмешивается Бетти. – Я зашью. И не разговаривай так с матерью, милая. Ты в курсе, что она тебе

не служанка?

Мелисса закатывает глаза:

– Если бы это было так, я бы ее уволила.

– Это не слишком вежливо...

Я вынуждена согласиться, но сейчас у меня нет сил на пререкания с подростком после всех потрясений вчерашней ночи. Я оставляю Мелиссу и Бетти и направляюсь в святая святых – свой кабинет, где падаю на мягкий желтый диванчик «Честерфилд», установленный недалеко от двери, чтобы скрывать пятно на потертом ковре. Если бы я не имела этого «личного пространства», то сошла бы с ума.

У дальней стены – мой письменный стол, заваленный бумагами. Это небольшая комната, но в ней вполне достаточно места, хотя в ящиках полно баракла, которое по-хорошему следовало бы выкинуть. Но в сутках никогда не хватает времени на уборку, а кроме того, там есть сентиментальные мелочи, от которых я не могу заставить себя избавиться.

Несмотря на то что сегодня выходной, в моей электронной почте несколько новых писем. Вот возмущенное письмо от кастинг-директора по поводу того, что один из моих статистов не явился вчера на съемки рекламы. Это уже не в первый раз. Я больше не буду иметь дело с этим человеком. В нашем бизнесе так – если кто-то вас подводит, то это плохо отражается и на вас. Грязь прилипает.

Звонит телефон. Это Салли, моя помощница, я наняла в ее прошлом году. Шестидесятилетняя дама в разводе, кото-

рой хотелось «чем-то заняться». На самом деле мне требовался кто-то с более весомым опытом в актерском мире, однако я взяла ее, потому что почувствовала к ней жалость. За это время Салли доказала, что стоит больше, чем ее собственный вес в золоте. Она отлично ладит с людьми и очень организованна. Как и я, Салли работает из дома, чтобы снизить наши расходы.

– У нас проблема, – сообщает она. – Карен сделала себе татуировку.

Карен – одна из наших новых статистов. Сегодня ей полагалось участвовать в исторической драме.

– Насколько я знаю, – продолжает Салли, – во времена Генриха VIII татуировок не было. Говорит, она не сообразила, что это станет проблемой.

Я тяжело вздыхаю:

– Нам надо подыскать кого-то на замену.

– Не волнуйся, я разберусь.

– Спасибо.

Как только мы заканчиваем разговор, из моего телефона доносится переливчатая трель – пришло сообщение. Я гляжу на экран. И замираю.

«Приятно было повидаться с тобой вчера вечером.

Может, как-нибудь выпьем кофе?

М.».

«Да! – моя первая мысль. – Да, я тоже хочу встретиться с тобой снова!» Поговорить за кофе о том, что могло бы быть.

И ничего большего, конечно, потому что это было бы неправильно. Но если я решу увидаться с Мэтью, мне придется рассказать обо всем Стюарту. Я должна буду сообщить, что до него у меня был кое-кто, разбивший мое сердце. Или не обязательно? Я могла бы что-нибудь придумать, поведать ему часть правды. Но тогда я буду обманщицей. Я стану не лучше, чем была моя мать. А как же дети? Как я объясню им? «Я просто иду выпить кофе со своим бывшим любовником»? Или: «Я встречаюсь с другом, который вытворял с моим телом такое, чего никогда не удавалось вашему отцу»?

Большая ложь начинается с маленькой.

«Я тоже была рада тебя видеть. Спасибо за предложение, но сейчас я очень занята».

Мой палец за висает над стрелочкой «Отправить». Я колеблюсь.

– Мам! Ты где? – вопит Мелисса снизу. – Я не могу найти свои черные ботильоны!

И тогда я нажимаю.

Я поступила правильно. Я знаю это.

Так почему же, спрашиваю я себя, спускаясь вниз, чтобы найти ботинки дочери, и размышляя, чем мне угодить каждому на ужин (учитывая, что за продуктами я не ходила), я чувствую себя такой опустошенной?

Глава 6

Бетти

– Как жаль, что ты от нас уходишь, – сказала мне заведующая отделом, когда я с неохотой подала ей свое заявление. – Мы хотели предложить тебе повышение – стать закупщицей товара. Разумеется, с увеличением зарплаты. И, естественно, мы бы хотели, чтобы ты продолжала быть нашей моделью.

Но Джок оставался непоколебим, хотя зарплата на фабрике была ниже.

– Ты будешь среди женщин своего круга, – заявил он. – Тебе там понравится. – Он потрогал меня за ягодицу. – У меня большие планы на нас, Бетти. Мы с тобой добьемся успеха в жизни. Однажды сможем купить собственное жилье и не платить за аренду. Просто делай, как я говорю, и все будет в порядке.

Я начала узнавать о своем женихе много такого, о чем сначала не подозревала. Пока я ни в чем ему не перечила – все было нормально. Джок пребывал в хорошем настроении, вот как сейчас. Он больше не колебался, когда разговор заходил о свадьбе. Напротив, регулярно интересовался у меня, кто еще принял приглашение.

– А Большой Папаша придет? – спросил он, имея в виду босса своего босса.

– Да, – ответила я, сверившись со своим списком.

Джок взмахнул рукой:

– Отлично! Значит, я ему по душе. Поговаривают, что в управлении скоро откроется вакансия на две позиции выше моей, когда старик Браун уйдет в отставку.

Порой я чувствовала в груди легкую дрожь сомнения. Правильно ли я поступаю, выходя замуж за человека, который ко мне не прислушивается и руководствуется только собственными интересами? Но если бы я разорвала помолвку, это было бы еще хуже, чем если бы исходило от Джока. Девушки, жаждущие самостоятельности, пользовались в наших местах дурной славой. А кроме того, я хотела иметь мужа, собственный дом и детей. Мы все к этому стремились, если только не были теми, кого мама называла «синими чулками» – вроде учительницы, которая жила по соседству от нас и не могла «представить себя с мужчиной».

В день нашей свадьбы дождь лил как из ведра. Кто-то мог бы принять это за предзнаменование. Но только не я. Я справилась со всеми прежними сомнениями и теперь все, чего я хотела, – это прошесть к алтарю.

– Ты выглядишь прекрасно, – сказал отец, когда я спустилась по лестнице нашего муниципального дома в собственноручно сшитом белом шелковом платье воланообразного силуэта, с маленькими бусинами вокруг выреза в форме сердца.

Прекрасно? Раньше он никогда не говорил мне ничего подобного.

У мамы глаза были на мокром месте. И ее я тоже прежде не видела такой взволнованной.

– Моя девочка! Сегодня ты станешь женщиной...

Затем она повела меня в кухню.

– Наверное, следовало поговорить с тобой об этом раньше... В общем, в первую брачную ночь ты должна быть готова к... – Мама замялась.

– Все в порядке, – кивнула я, пытаюсь избавить ее от смущения. – Я знаю о таких вещах.

Она нахмурилась:

– Ты еще этим не занималась?

– Нет! – поспешно заверила я. – Конечно, нет. Но я читала в «Космо». Одна девушка из отдела белья подарила мне журнал на прощание. Там была большая статья о...

Я замолчала, не в силах произнести слово «секс» перед собственной матерью.

Ее лицо прояснилось.

– Дурочка! Не верь всему, что читаешь в журналах. Брак – это реальная жизнь. – Она обняла меня. Затем встала и посмотрела на меня так, будто в последний раз. – Скоро сама все узнаешь.

Тогда я не обратила внимания на ее слова. Все, чего мне хотелось, – поскорее усесться в большой синий надраенный до блеска подержанный «ровер», принадлежавший одному из приятелей отца, и добраться до церкви. Джок велел мне не опаздывать, «даже если так принято», поскольку не желал,

чтобы люди решили, будто я передумала.

– Ты выходишь замуж за хорошего человека, – хрипло проговорил отец, обернувшись ко мне. – Этот твой Джок далеко пойдет.

– Уверен, у него есть «мохнатая лапа» в руководстве, – добавил отцовский приятель с водительского места. Но, судя по тому, как это прозвучало, это не было комплиментом.

Идя по проходу, я чувствовала на себе взгляды всех присутствующих. А эта странная дрожь в груди – просто бабочки трепещут крыльями, сказала я себе. Сомнения – это нормально. Так было написано в «Космо». Мне просто нужно помнить, что я выхожу замуж за сильного, порядочного мужчину, который окружит меня заботой. А вот и он! Мой красавец-жених во взятом напрокат шикарном костюме, ожидающий меня у алтаря. Волосы Джoka были подстрижены и зачесаны назад. И от него, как всегда, дурманяще пахло одеколоном «Брют».

– Привет, принцесса, – шепнул он мне, когда я заняла свое место рядом с ним. Затем обнял меня одной рукой. Я не была уверена, что это допустимо, судя по тому, как нахмурился священник.

Джок произнес свои клятвы громко и четко. Никто из слышавших его никогда бы не заподозрил, что не так давно он сомневался. Но все равно служба прошла не вполне гладко. Ни один человек, слава богу, не возражал против нашего брака (как и не было никаких причин для этого, хо-

тя мое сердце ушло в пятки), но органист перепутал гимны, сыграв «Упаси нас от смутных времен» вместо «Все яркое и прекрасное». Не было и хора, поскольку все певцы слегли с гриппом.

– Я потребую деньги назад, – решительно заявил Джок, когда мы позировали для фотографий. – Так мы не договаривались. Пусть не пытаются провести меня. Я заплатил кругленькую сумму.

И пока он возмущался, я чувствовала, как его пальцы чересчур сильно впиваются в мою руку.

Выступления гостей на приеме вроде бы прошли неплохо. Отец говорил обо мне так, что я едва себя узнавала, называя меня своей «драгоценной единственной дочерью». Шафер Джока отпускал множество непристойных шуточек, которые сместили всех, включая Большого Папашу, хотя его жена выглядела шокированной. Когда мы с моим отныне мужем танцевали свой первый танец под «Все, что мне нужно, – это мечта» Бобби Джентри и Глена Кэмпбелла, Джок прижимался ко мне щекой. «Все будет хорошо, – твердила я себе. – Он любит меня. И я люблю его».

А вскоре мы отправились в Девон к трейлеру, который босс Джока одолжил нам на медовый месяц. Всю дорогу я была один сплошной комок нервов – не из-за предстоящей первой супружеской ночи, а оттого, как вел машину мой свежеиспеченный муж. Его учил друг, потому что он не мог позволить себе платные курсы. Джок был в полном восторге, ко-

гда в прошлом месяце сдал экзамен.

– Пожалуйста, – взмолилась я, когда он обогнал очередную машину, которая неодобрительно просигналила. – Не так быстро!

Он тут же с визгом затормозил у обочины. Его глаза потемнели от негодования, а изо рта несло пивом. Не так давно правительство ввело предельную дозу спиртного за рулем – отец осуждал это, – и мне оставалось лишь надеяться, что мой муж ее не превысил.

– Не критикуй мое вождение! – выпалил он. – Ты ведь все равно не понимаешь, о чем говоришь! Вроде бы не ты сдавала на права!

– Мне бы хотелось когда-нибудь, – заметила я, пытаюсь его успокоить.

– Сначала нам надо оплатить более важные вещи.

– Прости, Джок, – кивнула я. – Я не это имела в виду. Просто меня иногда укачивает в автомобиле.

– Вот как? – Теперь его голос звучал спокойнее. – Я этого не знал. – Он похлопал меня по руке. – Просто откинься назад и закрой глаза. Мы мигом домчимся. В трейлере есть своя маленькая кухня. Ты сможешь приготовить нам что-нибудь перекусить, прежде чем мы устроимся на ночь. – Джок подмигнул мне. – Мы ждали этого столько времени!

Мне не хочется слишком много говорить о первом разе, но давай просто скажем, что это было не так, как описывал «Космо» с его рекомендациями «показать ему, как вам при-

ятно».

Прости меня за прямоту, Поппи, но я вздрагиваю даже сейчас, все эти годы спустя, когда вспоминаю, как он долбил-ся в меня, не обращая внимания на мои крики боли. Казалось, прошло несколько часов, прежде чем все закончилось и Джок скатился с меня на свою сторону кровати. Я молилась, чтобы в темноте он не увидел слезы, текущие по моему лицу.

– А где же кровь? – вдруг спросил он.

– Все в порядке. Ты не настолько сильно повредил меня.

– Кровь, – повторил Джок, приподнявшись на локтях. – Должна быть кровь, если ты девственница.

– Естественно, я девственница!

Он включил ночник, чтобы взглянуть на простыни.

– Тогда где же она? У женщины должна идти кровь, если она занимается сексом впервые.

– Я этого не знала, – ответила я, дрожа.

Джок, по-прежнему голый, навис надо мной, теперь глядя мне прямо в лицо.

– Ты занималась сексом с кем-то еще?

– Ты же знаешь, что нет.

– Неужели? А как насчет тех старперов, которые глазели на тебя, пока ты демонстрировала свои шляпки?

– Не глупи...

– И не называй меня глупым! – Его голос звучал мрачно. – Ты что, дурака из меня делала, когда изображала недотрогу

до свадьбы? Включи верхний свет! Я хочу все рассмотреть как следует.

Спотыкаясь на холодном рифленном полу трейлера, я сделала, как мне было велено.

– Ага, вот оно, – произнес Джок уже более мягким тоном. – Видишь?

На простыне действительно алело пятнышко крови.

– Вот и доказательство! – Он выглядел весьма собой довольным. – Поздравляю, миссис Пейдж. Отныне ты официально моя.

Совсем как в машине, Джок в считанные секунды превратился из злобного в любящего.

– Тебе не помешало бы помыться, – сказал он. – Душевые и туалеты здесь на улице.

Пока я драила себя, снова и снова проходясь мочалкой по ногам, я заметила царапину на руке – там, где Джок держал меня, впиваясь ногтями. Она все еще кровоточила. Может, оттуда и была кровь на простыне.

Следовало бы залепить ее пластырем. Но интуиция подсказывала мне, что не надо привлекать к ней внимания моего мужа.

Я не могла дождаться, когда же мы оттуда уедем. Девон – красивое место, но я просто поскорее хотела попасть в наше новое жилье и обустроить его по своему вкусу. Может, тогда Джок стал бы прежним. Представляешь, мне не приходило

в голову, что такой взрывной характер и есть его истинное лицо.

Наша квартира с одной спальней располагалась на пятом этаже многоквартирного дома, построенного вскоре после войны. Никто не сказал нам, когда мы ее смотрели, что лифт часто ломается. Центрального отопления там не было, и нам приходилось довольствоваться электрическими обогревателями, с которыми морозными вечерами я сидела почти в обнимку. Я кашляла от сырости, влажные бурые пятна проступали на отслоившихся обоях, а хозяин не обращал внимания на наши просьбы что-нибудь с этим сделать. Бойлер как следует не работал, и вода всегда была еле теплой.

Мы жили в нескольких минутах ходу от фабрики, и ее вонь чувствовалась с нашего крохотного балкона, на котором я развешивала белье, поскольку у нас не было сада. «С милым рай и в шалаше», – убеждала я себя. Проблема заключалась в том, что я не знала, мил ли мне Джок, как прежде.

Эти сомнения возникли еще во время медового месяца и усилились после возвращения, когда я сразу же пошла работать на фабричную сборочную линию. Девушки оказались весьма спесивыми, а труд – крепить стеклянные колбы ламп к металлическим цоколям, не разбивая их, – утомительным и однообразным. Как же я скучала по своим милым клиентам из универмага и по их модным шляпкам! Я не могла избавиться от чувства обиды на мужа – и винила себя за то, что пошла навстречу его желаниям.

Джок больше не пытался рассмешить меня или быть ко мне добрым и заботливым, как во времена наших свиданий. Если я не успевала приготовить ужин в течение нескольких минут после нашего возвращения с работы, он спрашивал меня, почему я такая неорганизованная. Джок начал возражать против того, что я подвожу глаза, потому что это якобы делает меня «похожей на шлюху». Одежда моя тоже ему не нравилась. Темно-синий костюм-комбинезон, который мама купила мне на день рождения, был «чересчур откровенным». Бог знает, что бы он сказал о тех нарядах, которые носят Мелисса и Дейзи!

А еще мы постоянно ссорились из-за денег. Однажды отвалился каблук у моей единственной пары туфель. Сапожник сказал, что с этим больше ничего нельзя поделать, и мне пришлось купить новую пару.

– Что?! – закричал Джок, когда я сообщила ему, во сколько это обошлось. – Неужели ты думаешь, что мы можем себе такое позволить?

– Это были самые дешевые, которые мне удалось найти, – защищалась я.

– Что ж, вот и сиди теперь весь месяц без мяса. И без электрического камина тоже.

Он натянул пальто.

– Куда ты собрался? – встревоженно спросила я.

– В паб!

– Но у нас же совсем нет денег.

– Это у тебя нет. А я буду тратить свое жалование так, как хочу. Я не из тех, кто спускает половину недельной зарплаты на обувь!

В нынешние дни девушки подобного не потерпели бы. По крайней мере, большинство. Но в наше время женщины вроде меня были не такими уверенными в себе. Я не хотела рассказывать маме, что между мной и Джоком не все ладно. И чувствовала себя из-за этого неудачницей. Но однажды, когда родители пригласили нас на воскресный обед и Джок разыграл грандиозный спектакль, обняв меня за плечи и назвав своей «замечательной женой» (с такой приязнью, которой никогда не проявлял дома), я разрыдалась в кухне.

Мама сразу захлопнула дверь, чтобы меня никто не услышал.

– Что случилось? – спросила она.

Я рассказала ей, перемежая слова всхлипываниями.

– Есть такие мужчины, – задумчиво произнесла она, – которым необходимо чувствовать себя главным в доме. Это пошло с войны. Тогда у женщин было больше независимости, и их возвращающимся мужьям это не всегда приходилось по вкусу.

– Но столько лет миновало с тех пор!

Мать издала хриплый смешок:

– Взгляды на отношения в семье – штука прилипчивая. Передаются из поколения в поколение. Похоже, Джок перенял их у своего отца.

Она замолчала. Я не любила своего свекра, хотя не говорила об этом, разумеется. Он был грубым мужланом, который плевал на пол, даже если находился в доме. Может, именно поэтому Джок отговаривал меня от слишком частых визитов к нему, когда мы были помолвлены. Он тоже ожидал, что его жена будет ему прислуживать, точно так же как сейчас Джок ожидал этого от меня.

– Он тебя бьет?

Мать произнесла это таким обыденным тоном, что я была потрясена.

– Нет. Конечно, нет!

– Значит, это уже неплохо.

– Как ты можешь так говорить? – воскликнула я. – Я несчастна! Что же мне делать?

Мама пожала плечами:

– То же, что делали женщины на протяжении веков. Просто смириться с этим.

– Но я не знаю, получится ли у меня.

– Ты не можешь развестись! – Голос матери был тих и отчетлив. – Что подумают о нас люди? В любом случае ты должна работать над своим браком. Это нормально, когда поначалу супруги притираются друг к другу. Будет лучше, когда у тебя появится ребенок.

– Но нам едва хватает на еду, не говоря уж о детях.

Мама покачала головой:

– Вы сами не понимаете, как вам хорошо живется. В годы

войны, когда я была маленькой, я апельсина даже в глаза не видывала. Где твоя сила духа, Бетти? Я была о тебе лучшего мнения. А кроме того, ты так отчаянно стремилась замуж за Джока.

– Да, но он тогда казался другим.

– Они все такие. – Мама помолчала. Затем ее голос снова стал строгим: – Ох уж эти современные девчонки! Вы думаете, что все сами знаете, да? Так вот – ничего вы не знаете! Может, такое неприятно слышать, но ты сделала свой выбор, и тебе теперь с этим жить! И не смей навлекать позор на нашу семью своим разводом!

В общем, я продолжила стойко выносить тяготы брака. Я стала другой версией себя – лишь бы новый Джок был счастлив. Носила дешевую мешковатую одежду с рынка. Подкладывала ему лучшие куски мяса, убеждая себя, что сама не голодна. Делала вид, будто мне безразлично, когда другие девушки с работы игнорировали меня, потому что я не курила во время перерывов и не ругалась, как матрос.

А когда Джок занимался со мной любовью, я представляла вместо него кого-то другого. Актера из сериала, который мы смотрели по телевизору. Кого угодно. Только так я могла это вытерпеть.

Так продолжалось два года. А затем Джок получил повышение на фабрике. Его зарплата увеличилась вдвое.

– Вот видишь? – сказал он. – Я же говорил, что все будет хорошо. Босс считает, что я далеко пойду. – Джок приоса-

нился. – Уверен, у меня есть все качества, чтобы забраться на самый верх.

– Это чудесно! – откликнулась я. Я усвоила, что лучший способ сделать Джока счастливым, помимо предоставления регулярной еды и секса, это похвалить его.

– Скоро мы сможем позволить себе завести ребенка.

– Правда? – Мое сердце гулко забилося. Конечно, я хотела ребенка. Но это также означало бы, что мне придется остаться замужем. Пути к отступлению не будет. Хотя я и твердила себе, что мама права относительно невозможности развода. Я успокаивала себя тем, что однажды все равно смогу на это пойти, если ситуация станет невыносимой. Но если появится ребенок, то уже нет. Видишь ли, в те дни быть матерью-одиночкой порицалось.

В ночь после повышения зарплаты Джок отказался надеть то, что он называл «французской буквой». Я обычно пользовалась и «голландской шапкой»² тоже, просто на всякий случай, но Джок вынул ее из коробки и выбросил.

– Вот так, – сказал он, лучезарно улыбаясь. – Нам это больше не нужно.

Я попыталась успокоиться. Никто не сможет забеременеть в первый раз без контрацепции. Я узнала об этом из болтовни девушек на конвейере. Некоторым из них не удавалось месяцами.

Но четыре недели спустя мои месячные не пришли.

² Просторечные эвфемизмы для презерватива и диафрагмы соответственно.

На всякий случай я ничего не говорила еще четыре недели. А затем меня начало тошнить каждое утро.

– Это вирус бродит вокруг, – сказала я Джоку, чувствуя во рту металлический привкус. Опять же, я знала из болтовни у конвейера, что это ранний признак беременности.

Я по-прежнему молчала и ждала. Если бы я сообщила Джоку, что беременна, а потом это оказалось не так, он мог бы обвинить меня в «бестолковости». Но третий цикл не начался, и я пошла к врачу. Его секретарша позвонила мне через два дня.

– Могу обрадовать вас, миссис Пейдж. Вы беременны!

Наконец-то я смогла по-настоящему угодить мужу! И он был доволен.

– Я сделал это! – воскликнул Джок. – Теперь парни заткнутся!

– Ты о чем?

Он выглядел слегка смущенно.

– Они постоянно спрашивали, когда же я стану отцом. Как будто со мной что-то не так. Но теперь мы будем настоящей семьей!

В ту ночь Джок занимался со мной любовью так жестко, что я кричала.

На следующее утро простыня была в крови, а спазмы в животе так сильны, что я сгибалась пополам от боли. Джок позвонил моей маме, которая сразу примчалась.

– Вызывайте доктора! – велела она.

Я пришла в ужас. Мы никогда в жизни не вызывали доктора на дом.

– Что происходит? – воскликнула я. – Со мной все будет в порядке?

Но мама не ответила.

Глава 7

Поппи

Звонок в дверь раздается сразу после ужина.

– Ждешь кого-нибудь? – спрашивает Бетти, вместе со мной убирая со стола.

– Нет, – отвечаю я, чувствуя, что краснею, и иду открыть дверь.

Это Дорис! Выглядит весьма изысканно в изящном лимонно-зеленом костюме стиля пятидесятых годов и в туфлях на высоком каблуке. Я облегченно вздыхаю, хотя на самом деле это излишне. Я имею в виду, что Мэтью вряд ли оказался бы на моем пороге. У него нет моего адреса, а кроме того, зачем ему ко мне приходиться?

– Я помню, мы договаривались, что я подпишу контракт в понедельник, – щебечет она, – но шла мимо на встречу с подругами и решила заглянуть на всякий случай. Надеюсь, я не слишком помешала.

– Нет, – отвечаю я. – Прошу! Идем ко мне в кабинет. Все рабочие бумаги там.

– Какой красивый дом, – замечает Дорис, следуя за мной.

– Спасибо.

– И кабинет симпатичный, – продолжает она, осматриваясь. – Подумать только, вся твоя магия творится здесь!

Я сияю от комплимента.

– Все это не работало бы без таких замечательных людей, как ты, в моих списках, – говорю я, протягивая ей контракт на подпись.

– Знаешь, а у меня ведь сегодня день рождения! Вот что я собираюсь праздновать с подругами. Но моя жизнь по-настоящему началась с тех пор, как я встретила тебя! Ты действительно осуществила все мои мечты!

– Так приятно это слышать, – киваю я, обнимая ее.

– Мам! – зовет Дейзи снизу.

– Ну ладно, не буду отвлекать тебя от семьи, – произносит Дорис, направляясь к двери. – Ах! – К моему ужасу, она валится на пол. – Я споткнулась о ковер! – стонет она.

Ее правый каблук все еще запутан в разлохмаченной протертости, которую обычно скрывает диван. Бетти, наверное, отодвинула его слишком далеко, когда пылесосила.

– Ты в порядке? – обеспокоенно спрашиваю я.

Дорис поднимается и потирает правое плечо:

– Болит вроде несильно.

– Дать тебе пакет со льдом?

– Нет, спасибо. – Она спускается по лестнице, продолжая держаться за плечо. – Не хочу опаздывать к подругам.

– Ты уверена?

Дорис кивает. Она – настоящий боец, из поколения, которое никогда не жалуется. Дорис рассказывала мне как-то – сразу после войны они были настолько бедны, что мать вырвала ей больной зуб плоскогубцами, поскольку ее семья не

могла позволить себе оплатить услуги дантиста. Я и забыла, что у нее сегодня день рождения. Надо послать ей цветы.

После ухода Дорис я заказываю прекрасный букет роз и лилий через сайт и делаю еще кое-какую работу на компьютере. Потом мы с Бетти и Дейзи устраиваемся на диване смотреть какую-то слезливую романтическую драму. Я не совсем уверена, что это зрелище подходит четырнадцатилетнему подростку, однако, как замечает моя свекровь, передавая по цепочке тарелку с домашними медовыми лепешками, времена нынче изменились.

Я пытаюсь сосредоточиться, но у меня трещит голова от боли. Потрясение от недавней встречи с Мэтью, а затем мой отказ от того, что могло бы быть или не быть безобидным приглашением на кофе, берут свое. Порой я невольно проверяю свой мобильный, но Мэтью больше ничего не пишет. Естественно, он и не станет. Моего вежливого отказа было достаточно. Вскоре приходит сообщение от Стюарта, в котором говорится, что он задерживается на конференции и вернется «поздно». Во сколько именно – не уточняется.

– Ого! – взвизгивает Дейзи, хватая меня за руку, когда страсти в фильме накаляются. – Смотри! Он собирается пригласить ее на свидание!

Это так мило. Я очень надеюсь, что моя младшая дочь не повзрослеет слишком быстро. Пусть она будет счастлива в простой, хотя и старомодной, супружеской жизни, подобно той, которая выпала моей свекрови. Что же касается Мелис-

сы, то у меня такое чувство, будто она вечно ищет чего-то такого, чего в действительности не существует. В данный момент в нее «не на шутку втюрился», как выразился бы мой отец, один мальчик из школы по имени Джонни. «Это просто друг», – язвительно ответила Мелисса, когда я у нее спросила. Я не слишком-то ей поверила, но не хочу давить.

Когда кино заканчивается, Дейзи без возражений отправляется спать.

– Пожалуй, я тоже на боковую, – зевает моя свекровь. У нее утомленный вид, замечаю я.

Обычно Бетти выглядит значительно моложе своих лет. С тех пор как умер Джок, она стала немного больше краситься и покупать брюки по фигуре вместо тех, которые называет слаксами. А еще она настолько «на одной волне» с нами, что я забываю – на самом деле ей семьдесят лет, согласно документам, которые мы помогали ей оформлять после смерти Джока. Сама Бетти всегда расплывчато говорит о своем возрасте. Подозреваю, оттого, что не хочет стареть.

– Спокойной ночи! – говорю я, крепко обнимая ее. Повторюсь – я не знаю, что бы без нее делала. Другие мои знакомые женщины постоянно жалуются на своих свекровей. Моя же мне – как мать. Заменившая настоящую...

– А ты не собираешься ложиться? – спрашивает Бетти, отстраняя меня на вытянутых руках, словно осматривая. – Ты, наверное, очень устала после вчерашнего...

Это мое воображение или она чувствует все эмоции, бур-

лящие во мне?

Нет. Конечно, нет. Бетти с ее опытом стабильного, традиционного брака с Джоком была бы шокирована, если бы я рассказала ей о воображаемых сценах, которые крутятся у меня в голове с тех пор, как я вновь увидела Мэтью.

– Я пока не хочу, спасибо, – отвечаю я. – Иди в кровать. Я подожду Мелиссу.

Одна родительница должна привезти ее с вечеринки, но только около часу ночи я слышу, как ключ моей старшей дочери поворачивается в замке. К тому времени я уже извелась от беспокойства, представляя всевозможные катастрофы.

– Прости, – бормочет она. – Мама Джонни заблудилась, пока искала наш дом.

– Я пыталась до тебя дозвониться, – говорю я. – Почему ты не брала трубку?

– Батарейка села.

Как часто я слышала эту отговорку!

– Ты что, пила? – спрашиваю я, поднимаясь за дочерью по лестнице. Глупый вопрос. Разумеется, она пила.

– Нет. И перестань нудеть.

Мелисса входит в свою комнату и захлопывает дверь у меня перед носом. Минуту я размышляю, не зайти ли следом, но потом решаю, что лучше оставить этот разговор на утро. Тогда он будет спокойнее.

Потом я долго принимаю горячую ароматную ванну, закрываю глаза и представляю, как...

«Нет! – одергиваю я себя. – Это неправильно». Я вылезаю из ванны и проверяю свой мобильный. Никаких сообщений от Стюарта. И ни от кого.

Посреди ночи я чувствую, что муж забирается в постель рядом со мной.

– Ты вернулся... – сонно бормочу я.

– Прости, что я так поздно, – говорит он. От него точно не воняет потом, но я также понимаю, что он и не мылся. Я воспринимаю это как хороший знак. Мужчины обычно принимают душ или отмокают в ванне после возвращения, если у них роман на стороне, верно? По крайней мере, так утверждалось в той странной журнальной статье, какую я читала. В любом случае Стюарт просто не из тех мужчин, которые способны на измену. Разве это не одна из причин, по которым я вышла за него замуж? Вдобавок, кроме своей работы, он ничего и никого вокруг не видит.

Муж начинает тихонько похрапывать. Я всегда завидовала его способности засыпать, как только голова коснется подушки. У меня же, напротив, сна теперь ни в одном глазу. Я придвигаюсь к Стюарту поближе и пытаюсь поцеловать его. Муж отворачивается.

– Не буди меня, – бормочет он, прежде чем снова захрапеть.

«И как же нам проявить друг к другу хоть какую-то привязанность?» – хочется сказать мне. Меня так и тянет сообщить ему, что если он больше во мне не заинтересован, то

найдутся другие. Я не ищу повода для скандала. Это скорее вопрос самоуважения. Но Стюарт уже спит, как сурок.

Или, по крайней мере, притворяется.

Утром я просыпаюсь и обнаруживаю рядом с собой пустое место. Я спускаюсь вниз, чувствуя себя намного лучше после ночного отдыха. Уже десять часов утра. Я не спала так долго целую вечность.

Стюарт в кухне – намывает все, что я сложила в посудомоечную машину вчера вечером. Это постоянное поле боя между нами. Муж предпочитает делать все сам, вручную, тщательно очищая каждый зубчик вилки или лезвие ножа. «Это зубоврачебные заморочки, – однажды сказал он. – Когда видишь, что творится у людей во рту, понимаешь, как важно стерилизовать все, что туда попадает».

– Извини, что разбудил тебя ночью, когда залезал в кровать, – говорит он сейчас, легонько целуя меня в лоб. Если Стюарт и помнит свой отпор, то за него извиняться не собирается. С чего бы ему? Такое не впервые.

– Как прошла твоя рабочая вечеринка в пятницу? – продолжает он. – Нам было недосуг это обсудить. Хорошо провела время?

Стюарт спрашивает без всякого сарказма. Мы с ним привыкли идти каждый своим путем, когда дело касается работы. У него случаются внеплановые приемы пациентов, в то время как я часто пропадаю на съемках, которые затягива-

ются до вечера, или провожу собеседования с возможными клиентами. Бываю и на тусовках, чтобы насладиться успехом и завести больше знакомств. Важная часть обязанностей агента – убедиться, что клиенты довольны и делают то, что должны. И по выходным кто-то из нас вполне может работать. Каждый принимает это как неизбежную составляющую своего труда. Но на сей раз я чувствую, что нарушила некие правила, которые сама же установила. Даже если это случилось только в моей голове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.